

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

МУКАШЕВА ГАЙША АБДИГАНИЕВНА

**СУБСТАНТИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ,
ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

**Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор Назарзода С.**

Душанбе – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБСТАНТИВАЦИИ В ПЕРСИДСКО- ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	14
1.1. Переход нарицательных имён существительных в разряд имён собственных.....	14
1.2. Семантическое отношение конверсной противоположности среди существительных.....	22
1.2. Аффиксальный и конверсионный способы словообразования: сходства и различия.....	28
1.3. Отношение субстантивации к конверсии в истории английского языка.....	33
ГЛАВА II. СУБСТАНТИВАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПЕРСИДСКО- ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	38
2.1. Субстантивация частей речи в персидско-таджикском и английском языках.....	38
2.2. Субстантивация имен прилагательных.....	56
2.2.1. Субстантивирование местоимений, числительных, наречий, прилагательных как способ словообразования.....	75
2.3. Переход прилагательных в существительные.....	82
2.4. Производные слова и их семантическая экспликация на материале прилагательных современного английского языка.....	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	118
БИБЛИОГРАФИЯ	122

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике отсутствует комплексное описание субстантивации в современном персидско - таджикском и английском языках. Реферируемая диссертация посвящена анализу субстантивации в современном персидско-таджикском и английском языках. Отметим, что до сегодняшнего дня «конверсия как способ словообразования в таджикском языкознании специально не изучена»¹ [с.176], несмотря на то, что в современной лингвистике функциональный подход к анализу языковых фактов, предполагающий изучение того, как единица языка используется в речи, является главенствующим.

Следует отметить, что как языковой факт субстантивации изучена подробно и обстоятельно, тогда как работ, дающих представление о субстантивации в современном персидско - таджикском и английском языках, практически нет. Повышенный интерес современных исследователей к субстантивации во многом объясняется живым характером данного процесса, постоянным выбором языковой личностью субстантивированных слов для выражения современных смыслов, номинации новых явлений и реалий. Особенно привлекает внимание ученых тот факт, что субстантиваты в речи легко проникают в другие разновидности языка, тем самым, получая самые разнообразные семантические и стилистические оттенки.

Исследователи наряду с изучением различных вопросов грамматики рассматривали и отношение между частями речи и, разрабатывая различные аспекты данной проблемы, подчеркивали необходимость, актуальность и научную целесообразность проведения специальных исследований по проблемам конверсии.

В контексте данного исследования заслуживают внимания работы профессора Ш. Рустамова, который подчеркивает, что «конверсия как способ

¹ Рустамов, Ш. Язык и время / Шарофиддин Рустамов. - Душанбе: Ирфон, 1981. - 256 с.

словообразования в персидско-таджикском языкознании специально не изучена»² [с.176],. Он также отмечает, что А.И. Смирницкий уточняет различные стороны данного вопроса и тем самым вносит ощутимый вклад в исследование одного из наиболее важных способов словообразования в русском языкознании³ [с.176],

Конверсия связана с морфолого-синтаксическим словообразованием. Данный вопрос и его отношение к другим явлениям языка также недостаточно изучены.

Следовательно, решение данного вопроса имеет неоспоримую важность в аспекте определения частеречного статуса и функции слов в речи, приобретения лексическими единицами парадигм других частей речи в результате влияния различных факторов на изменение в результате транспозиции грамматического и общекатегориального значения слова.

Степень изученности темы исследования Рассматриваемая тема до настоящего времени в персидско-таджикском языкознании не являлась предметом специального изучения. Таджикские исследователи, опираясь на теоретические взгляды А.И. Смирницкого, лишь указывают на нее в отдельных случаях, либо вносят небольшой вклад в выяснение какого-либо аспекта данного вопроса и высказывают собственную позицию в своих небольших научных статьях. О важности и актуальности темы свидетельствуют точки зрения, высказанные Ш. Рустамовым, Б. Сиёевым, Э. Шоевым, Ш. Мухаммадиевым, которые в определенной степени внесли вклад в изучение данного вопроса. Ф. Амонова конверсию называет «безаффиксным словообразованием», под которым понимает «название способа словообразования, осуществляемого без участия какого-то бы ни было деривационного аффикса и которое наблюдается тогда, когда оба члена

² Рустамов, Ш. Язык и время / Шарофиддин Рустамов. - Душанбе: Ирфон, 1981. - 256 с.

³ Там же.

словообразовательной корреляции имеют материально тождественные основы, не содержащие никакого словообразовательного аффикса»⁴ [с. 85].

Некоторые лингвисты более позднего периода, отказывались от синхронического подхода. Имя существительное - часть речи, занимающая важное место в системе других частей речи, которая называет субстанции и имеет разнообразную и богатую словообразовательную структуру, поэтому именно здесь помимо способов словообразования, имеющихся в области других частей речи, существуют субстантивные словообразовательные способы: субстантивация, аббревиация, усечение основ, универбация и нулевая суффиксация. Наиболее активным является суффиксальный способ словообразования. Исследователи указывают на возможность употребления прилагательных в значении существительных - Н.И.Греч⁵, Г.П.Павский⁶, Ф.И.Буслаев⁷, И.И.Давыдов⁸.

Процесс субстантивации рассматривали И.М.Подгаецкая⁹, О.М.Доконова¹⁰, И.Ф.Протченко¹¹, Н.Н.Чурилова¹², Л.И. Ройзензон¹³, А.М.Барзилович¹⁴, Н.П.Голубева¹⁵, М.Ф.Лукин¹⁶.

⁴Амонова, Ф.Р. Именное аффиксальное словообразование в современном таджикском языке (в сопоставлении с персидским): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.02. - Душанбе, 1979. - 154 с.

⁵ Греч, Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем [Текст]. - Спб.: тип. Имп. Санктпетерб. воспитательного дома, 1827. - VIII, 579 с

⁶ Павский, Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка / [Соч.] Прот. Г. Павского. - 2-е изд. Рассуждение 1-3. - Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1850. - 4 т.

⁷ Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / [Вступ. статья И. Кузьминой и др.]; Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. - Москва: Учпедгиз, 1959. - 623 с.

⁸ Давыдов, И. И. О словаре русских синоним / [Соч.] И.И. Давыдова. - Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1857. - 26 с.

⁹ Подгаецкая, И. М. Переход прилагательных и причастий в существительные в истории русского литературного языка (XVIII-XX) [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. М. Подгаецкая; М-во просвещения РСФСР. Моск. обл. пед. ин-т. - Москва: 1950. - 15 с.

¹⁰ Доконова, О.М. Историческая грамматика русского языка: Ист. морфология / О. М. Доконова, Н. А. Кондрашов, Л. Ф. Копосов. - М.: МОПИ, 1984 (вып. дан. 1985). - 79 с.

¹¹ Протченко, И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: Социоллингвист. аспект / И. Ф. Протченко; Отв. ред. Г. В. Степанов. - 2-е изд., доп. - М.: Наука, 1985. - 351 с.

Языковые и функциональные аспекты субстантивации рассматривали Т. К. Бардин, окказиональную субстантивацию рассматривала С. В. Смирнова; стилистические и семантические аспекты субстантиватов – У. М. Фысина, проблемы деривационной ономазиологии – Ф. Амонова. Описание грамматики составлялись ещё в древности. Несколько лет до н.э. индийский лингвист Панини дал полное описание санскрита, не имевшее равного вплоть до XX в. была создана описательная грамматика древнекитайского языка. Позднее древнегреческая грамматика сопоставлялась с древнеримским языком. Начало систематическому сравнению индоевропейских языков было положено в 1816 г. Ф. Боппом (сравнение глагольных окончаний в санскрите, греческом, латинском, персидском и германском языках). О. Есперсен сравнивал английские словосочетания с французскими, датскими, немецкими, финскими и латышскими.

Советский иранист Е.Э. Бертельс сравнивал персидские грамматические явления с русскими. Д. Филот сравнивал английский с персидским языком.

Существует ряд диссертационных работ, посвященных изучению процесса изучения конверсионных способов словообразования в русском

¹² Чурилова, Н. Н. Понятие о фонеме [Текст]: (Пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы) / Оренб. гос. пед. ин-т им. В. П. Чкалова. Заоч. отд-ние. - Оренбург: [б. и.], 1962. - 18 с.

¹³ Ройзензон, Л. И. Русская фразеология [Текст]: Учеб. пособие / Л. И. Ройзензон; М-во высш. и сред. спец. образования. Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. - Самарканд: Самарк. ун-т, 1977. - 119 с.

¹⁴ Барзилович, А. М. Субстантивация прилагательных в русском языке [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / М-во высш. образования СССР. Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Кафедра рус. яз. - Киев: 1953. - 15 с.

¹⁵ Голубева, Н. П. Изменения лексико-грамматических признаков прилагательных, связанные с субстантивацией [Текст]: (К вопросу об изменчивых и постоянных признаках, трансформированных грамматич. категорий): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Акад. наук УССР. Секция обществ. наук. - Киев, 1963. - 19 с.

¹⁶ Лукин, М. Ф. Морфология современного русского языка [Текст]: Пособие для студентов-заочников фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов / Гл. упр. высш. и сред. пед. учеб. заведений М-ва просвещения РСФСР. Моск. гос. заоч. пед. ин-т. - Москва: Просвещение, 1973. - 232 с.

языкознании: В.Н. Мигрина, К.А. Левков-ской, В.В. Лопатина, Б.Р. Мамедова, В.М. Никитина, В.М. Никитовича, М.Д. Степановой, Е.Э.Черкасовой, в статьях и монографиях Ю.А.Жлуктенко, Л.А.Телегиной, А. А. Уфимцевой и других этот аспект качественно продвинулся вперед.

Теоретическая значимость работы заключается в определении особенностей конверсии, описании ее видов и специфики перехода частей речи в разряд имен существительных в сопоставляемых языках, теоретически значимых для дальнейшего исследования в данной области. В диссертации обосновывается необходимость широкого понимания субстантивации, дается четкое терминологическое обозначение явлений, связанных с анализом этого процесса.

Работа вносит определенный вклад в осмысление субстантивной транспозиции как целостного явления, получающего отражение, как на языковом уровне, так и на речевом.

Определение особенностей конверсии, описание ее видов и специфики перехода различных частей речи в разряд имени существительного в персидско-таджикском языке теоретически значимы для дальнейших исследований в данной области.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при подготовке спецкурсов, спецсеминаров, положены в основу лекций по морфологии современного русского языка.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при изучении, различных теоретических проблем словообразования и в процессе практического применения выявленных способов словообразования - конверсии - в различных ее проявлениях.

Основные положения исследования и его научное обобщение могут быть также использованы при создании учебников по морфологии и словообразованию современного персидско-таджикского языка, при чтении

теоретических спецкурсов и факультативов по персидско-таджикскому словообразованию и грамматике.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в отсутствии работ по субстантивации в разносистемных языках в сопоставительном плане, в частности на материале персидско-таджикского и английского языков.

Исследуемая в ней тема впервые изучается в персидско-таджикском языкознании в виде отдельной исследовательской работы. Теоретический материал в ней рассматривается с позиций точек зрения европейских, русских и персидско-таджикских ученых-языковедов, в форме сопоставления на материале произведений персидско-таджикской классической и современной литературы.

Настоящая диссертация является новой исследовательской работой с точки зрения методики исследования, приёмов лингвистического анализа субстантивируемых единиц.

Объектом исследования служат произведения прозы и поэзии классиков и современных писателей персидско-таджикской литературы. Собран фактический материал в объеме свыше трех тысяч карточек, подробный перечень которых представлен в части «Библиография» диссертационной работы.

Предмет исследования - субстантивация в современном персидско-таджикском и английском языках.

Методы исследования. Для достижения цели и решения поставленных в работе задач используется целый комплекс методов и приёмов анализа, выработанных в современном языкознании. Исследование проводилось при помощи сравнительного, статистического анализа и метода наблюдения.

Теоретическую базу исследования составили труды о развитии языка вообще и тенденции к экономии языковых усилий, языковой компрессии в

частности (М.В. Барт¹⁷, Р.А. Будагов¹⁸, Н.С. Валгина¹⁹, В.В. Виноградов²⁰, Н.Н. Гурьева²¹, Е.Ю. Дьякова²², А.Н. Занина²³, А.В. Зеленин²⁴, Л.О. Зимина²⁵ и др.); синкретизма и транспозиции (С.И. Богданов²⁶, И.В. Высоцкая²⁷, В.Г. Гак²⁸, И.В. Дьячук²⁹, Е.С. Кубрякова³⁰, Е.Н. Ремчукова³¹), исследования субстантивации и субстантивированных слов (В.Л. Георгиева³²,

¹⁷ Барт, М.В. Компрессивное словообразование в современном русском компьютерном жаргоне / М.В. Барт // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2009. - № 2. - С. 55-60.

¹⁸ Будагов, Р.А. Введение в науку о языке: Учебное пособие / Р.А. Будагов. - М.: Просвещение, 1965. - 492 с.

¹⁹ Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие / Н.С. Валгина. - М.: Логос, 2003. - 304 с.

²⁰ Виноградов, В.В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике: Избранные труды / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1975. - С. 155-165.

²¹ Гурьева, Н.Н. Парцелляция как средство синтаксической компрессии в публицистической речи / Н.Н. Гурьева // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. преп. и студ. / Отв. ред. В.П. Анисимов. - Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. - С. 164-168.

²² Дьякова, Е.Ю. Средства языковой компрессии торговых наименований в рекламном дискурсе сферы образовательных услуг / Е.Ю. Дьякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2010. - № 1. - С. 94-97.

²³ Занина, А.Н. Теория экономии языковых усилий: к истории вопроса / А.Н. Занина // Вестник Тверского государственной университета. Серия Филология. - 2008. - № 13. - С. 165-171.

²⁴ Зеленин, А.В. Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919-1939 гг.) / А.В. Зеленин // Вопросы языкознания. - 2007. - № 4. - С. 98-128.

²⁵ Зимина, Л.О. К вопросу об экономии языковых средств на синтаксическом уровне печатного рекламного текста / Л.О. Зимина // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. - С. 84-89.

²⁶ Богданов, С.И. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: Учебное пособие / С.И. Богданов, Ю.Б. Смирнов. - СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2004. - 58 с.

²⁷ Высоцкая, И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. - М., 2006. - 34 с.

²⁸ Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998б. - 768с.

²⁹ Дьячук, И.В. Проблема транспозиции на уровне частей речи / И.В. Дьячук // Развитие частей речи в истории русского языка: Межвуз сб. научн. тр. - Рига, 1988. - С. 42-46.

³⁰ Кубрякова, Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. - 1974. - № 5. - С. 64-76.

³¹ Ремчукова, Е.Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы / Е.Н. Ремчукова // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. - СПб: Наука, 2000. - С. 79-92.

³² Георгиева, В.Л. О субстантивации как языковом явлении / В.Л. Георгиева // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. - Т. 242. Материалы конференций Северного зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. - Л., 1963. - С. 97-108.

Н.П.Голубева³³, Н.И. Ершова³⁴, В.В. Лопатин³⁵, Л.И. Ройзензон³⁶, Е.В. Смирнова³⁷ и др.).

Методы исследования. При исследовании выбранной темы использованы различные лингвистические методы, такие, как диахронный, синхронный, сравнительный, лексико-грамматический анализ и другие.

Положения, выносимые на защиту:

- Имя собственное служит средством дополнительного именования лиц и других единичных объектов, они обязательны для людей, географических объектов, уникальных объектов неодушевленных классов объектов;
- Конверсивы представляют собой один из видов выражения импликационных связей значений слов. Помимо общей семы в семантических структурах конверсивов, обозначающей какое-то отношение, в их значениях содержатся дифференцирующие семы, имплицитующие друг друга;
- При наличии синхронного словообразования наиболее важным является понятие производности. Каждому способу словообразования присущи свои закономерности, в том числе и отношения производности. Вместе с тем разные способы словообразования обнаруживают черты, сближающие их как в формальном отношении,

³³ Голубева А. Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 - Ростов-на-Дону, 2014. -169с.

³⁴ Ершова, Н.И. Субстантивная транспозиция прилагательных в русских говорах на территории Мордовии: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. - Саранск, 2005. - 20 с.

³⁵ Лопатин, В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В.В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. - М., 1967. - С. 229-235.

³⁶ Ройзензон, Л.И. К типологии субстантивированных прилагательных и причастий в русском языке / Л.И. Ройзензон // Труды Самаркандского государственного университета. Исследования по русскому языку. - 1962. -Вып. 118. - С. 121-139.

³⁷ Смирнова, Е.В. Окказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01.

так и в смысловом. Такая близость наблюдается у аффиксальных и конверсионных производных;

- Решение вопроса о существовании конверсионного словообразования в древнеанглийском языке имеет принципиальное значение, так как от этого зависит правильное понимание сущности и действия конверсии как способа образования новых слов в современном английском языке. А.И. Смирницкий не видел в омонимии характерной особенности конверсионного способа словообразования;
- Переход слов других частей речи в существительные в персидско-таджикском языке является весьма продуктивным способом словообразования;
- Субстантивация прилагательных и причастий занимает в системе персидско-таджикского именного словообразования совершенно особое, своеобразное место. Этому явлению, как и вообще проблеме «переходности» частей речи, посвящена обширная лингвистическая литература;
- Свойство двойной референции, мотивированность и многие другие признаки, предопределяющие специфику производных слов и их отличие от простых, обусловили задачу разработки принципов описания семантики производных слов.

Цели и задачи исследования. В настоящей диссертации представлен подробный анализ только одного способа конверсии таджикских слов, а именно субстантивация (переход слов разных частей речи в разряд имени существительного).

Проведенные в работе классификация и анализ собранного материала подтверждают тот факт, что между частями речи существуют лексико-грамматические связи, в результате чего посредством морфолого-синтаксического способа словообразования слова приобретают новые общекатегориальные значения. С течением времени данные значения приобретают постоянный характер и способствуют формированию одного из

видов омонимов (грамматических). Таким образом, существует постоянное взаимоотношение и единство между лексическими, словообразовательными и грамматическими элементами языка. В диссертации наглядно показаны пути перехода имен прилагательных, имен числительных, местоимений, основ глагола, инфинитива и причастия в разряд имен существительных в персидско-таджикском языке.

Основные задачи исследования:

- уточнить сущность понятия «субстанция», «субстанциальность»;
- систематизировать средства выражения значения субстанциальности;
- вычленить и охарактеризовать группы субстантивирующихся единиц;
- определить особенности конверсии, описать ее виды и специфику перехода частей речи в разряд имен существительных в сопоставляемых языках, теоритически значимых для дальнейшего исследования в данной области;
- определить место субстантивированных единиц в функционально-семантическом поле субстантивов;
- рассмотреть разновидность безаффиксного способа словообразования – конверсии – субстантивация.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры иностранного языка Национальной академии наук Таджикистана (2013-2020 гг.).

О промежуточных результатах было доложено на ежегодной конференции «Славянские чтения» (2013-2020 гг.) Основные положения диссертации отражены в опубликованных научных статьях список которых приводится в автореферате.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры иностранных языков Национальная академия наук Таджикистана (протокол заседания № 5 от 03.03.2021 г.).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из двух глав, введения, обзора литературы, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБСТАНТИВАЦИИ В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Переход нарицательных имён существительных в разряд имён собственных

В языковой картине мира каждое существительное подразделяется на имена собственные и имена нарицательные. При этом, имя собственное служит средством дополнительного именованья лиц и других единичных объектов, они обязательны для людей, географических объектов, уникальных объектов неодушевленных классов объектов.

Имена собственные и имена нарицательные противопоставляются друг другу.

Имена собственные являются неотъемлемой частью лексической системы языка, которая имеет ряд специфических свойств, свои законы развития и функционирования и требует особых методов исследования. В именах собственных отражается жизненный опыт носителей языка и сведения о многих экстралингвистических национальных и интернациональных реалиях.

Нарицательные существительные составляют многочисленную, лексико-грамматическую группу имен существительных. Например: 1. Гулистон - специальное место выращивания цветов, цветник. 2. «Гулистон» - название произведения Саади Ширази: 3. «Гулистон» - название сельского джамоата в районе Вахдат РТ. 4. Гулистон - название города, центр Сырдарьинской области Республики Узбекистан.

В данном примере мы видим три случая использования нарицательного имени существительного гулистон в значении собственных имен.

Нарицательные имена существительные, обозначающие различные понятия, могут переходить в разряд собственных имен существительных и обозначают имена людей:

- нарицательные имена существительные, обозначающие название металла: *тилло* «золото» - *Тилло* (мужское имя), *нукра* «серебро» - *Нукра* (женское имя), *пулод* «сталь» - *Пулод* (мужское имя) и т.д.
- нарицательные имена существительные со значением твердых предметов и минералов: *садаф* «раковина» - *Садаф* (имя), *марворид* «жемчуг» - *Марворид* (имя), *санг* «камень» - *Санг* (мужское имя), *гаауар* «драгоценность» - *Гавхар* (женское имя) и т.д.
- нарицательные имена существительные со значением растений: *гиёх* - «трава, растение» - *Г'иё(х)*, *гул* «цветок» - *Гул* (имя), *лола* «тюльпан» - *Лола* (женское имя) и т.д.
- нарицательные имена существительные, обозначающие инструменты и орудия труда: *табар* «гопор» - *Табар* (имя), *сайф* «меч» - *Сайф* (имя) и т.д.
- нарицательные имена существительные - наименования небесных тел: *ситора* - «звезда» - *Ситора* (женское имя), *мохтоб* - «луна» - *Мохтоб* (имя), *офгоб* - «солнце» - *Офтоб* (имя) и т.д.
- нарицательные имена существительные, обозначающие названия птиц и животных: *тутти* «попугай» - *Тутӣ* (имя), *майна* «майна» - *Майна* (имя), *самандар* «жар-птица» - *Самандар* (имя) и т.д.
- нарицательные имена существительные, обозначающие названия дней недели: *Душанбе* – «понедельник» - *Душанбе* (название столицы Таджикистана), *Душанбе* (мужское имя), *панчшанбе* «четверг» - *Панчшанбе* (мужское имя), *Панчшанбе* (название рынка), *чумъа* «пятница» - *Чумъа* (мужское имя).
- нарицательные имена существительные, обозначающие названия месяцев по календарю хиджри: *мухаррам* - *Мухаррам* (женское имя), *рамазон* - *Рамазон* (мужское имя), *сафар* - *Сафар* (мужское имя) и т.д.

- нарицательные имена существительные, выражающие другие понятия, также употребляются как собственные имена существительные: *мулло* «*мулла*» - *Мулло* (мужское имя), *хаким* «*мудрец*» - *Хаким* (мужское имя), *вахдат* «*единство*» - *Вахдат* (название района), *дустӣ* «*дружба*» - *Дустӣ* (название села) и тд.

Так, при переходе в разряд собственных имен существительных нарицательные имена существительные сохраняют свое лексическое значение, а лишь меняют свою функцию.

Собственные имена существительные, в свою очередь, могут перейти в группу нарицательных имен существительных. Важным моментом процесса перехода собственных имен существительных в разряд нарицательных является то, что в результате такого перехода собственное имя является уже не единичным наименованием, а называет общие понятия, связанные с названиями предметов, явлений и лиц. Категория неопределенности и числа относятся к нарицательным именам существительным. «Собственное имя не принимает признак неопределенности и употребляется в функции прямого дополнения без послелого-ро» [5, 92].

Следует отметить, что при обозначении названий династий собственные имена существительные принимают суффиксы множественности *-хо*, *-он* (*-ён*), но не переходят в разряд нарицательных имен существительных, т.е. пишутся с большой буквы: *Сосониён* «*и*», *Сомониён* «*Саманиды*», *Романовхо* «*Романовы*», *Уляновхо* «*Ульяновы*» и т.д.

Нами также выявлен ряд случаев, показывающих переход собственных имен в разряд нарицательных из числа многих персидско-таджикских слов и заимствованных из арабского языка лексических единиц.

В строе современного английского языка большую роль играет явление, называемое обычно конверсией. Правильное понимание сущности конверсии в известной степени может способствовать решению таких важных проблем, как определение грамматических и лексических границ слова, разграничение частей речи, выяснение основных тенденций

английского словообразования и др. Исследованием английской конверсии занимался А. И. Смирницкий. В своих работах он подверг убедительной критике распространенные прежде концепции конверсии: семантическую, согласно которой конверсия - это «изменение значения слова», и особенно синтаксическую, определявшую конверсию как «изменение синтаксической функции слова».

Показав, что в результате конверсии получается обычно новое слово, А. И. Смирницкий окончательно установил, что конверсия является способом словообразования. Он также исследовал соотношения между исходным и производным словом в случае конверсии и показал, что производное слово обладает внутренней, семантической производностью. Одним из важных достижений в понимании конверсии следует считать указание А. И. Смирницкого на большую и активную роль, которую играет при конверсии морфологическое оформление слова - парадигма. Как известно, А. И. Смирницкий придавал такое большое значение этому фактору, что считал парадигму единственным словообразовательным средством при конверсии: «Конверсия, - писал он, - есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова», новой формой в нашем примере является *(to) paper*.

Большинство работ о конверсии, появившихся после статей А. И. Смирницкого, является лишь дальнейшей интерпретацией его взглядов или истолкованием в свете его теории тех или иных моментов, связанных с конверсией в различных языках.

В то же время в ряде других работ высказывается несогласие с некоторыми моментами этой теории, а в некоторых случаях даже полное ее отрицание. Так называемая конверсия и чередование звуков Работы А. И. Смирницкого о конверсии, изданные в 1953-1954 гг., несомненно, связаны с высказывавшимися им в это же время общелингвистическими взглядами.

Теорию конверсии он создавал в тесной связи со своим своеобразным пониманием сущности языка и проблемы взаимоотношений языка и речи.

Как известно, в это время А. И. Смирницкий считал, что в состав языка в качестве его единиц входят слова, интонационные единицы и грамматические правила построения предложения. Ни словосочетание, ни предложение, по его мнению, не являются единицами языка. Поэтому спецификой основной единицы языка (слова) А. И. Смирницкий считал преимущественно его морфологическую характеристику. В связи с этим он рассматривал английскую конверсию как морфологический способ словообразования, при котором парадигма играет основную роль в оформлении слова. А. И. Смирницкий не принимал во внимание то обстоятельство, что слова относятся к определенным грамматическим типам не только в соответствии с системой их форм, но и в зависимости от их грамматических связей с другими словами.

В других, опубликованных позже, трудах А. И. Смирницкий отошел от такого взгляда на средства оформления слова. Однако в своих статьях, посвященных конверсии, А. И. Смирницкий придерживался ошибочного мнения, что одной только парадигмы уже достаточно, чтобы грамматически оформить слово. Это обстоятельство и было причиной того, что в его теории конверсии, наряду со многими достижениями, можно найти ряд существенных недостатков предложенном А. И. Смирницким определении конверсии не учитываются различные другие факторы (кроме парадигматичности), действующие при конверсии. Прежде всего, роль тех различий в грамматической сочетаемости, которые неизбежно обнаруживаются при образовании нового слова, не отрицается, а просто игнорируется. Между тем, как указывает акад. В. В. Виноградов, «... резко отделить морфологическое словообразование от синтаксического чрезвычайно трудно».

В теории конверсии Л. И. Смирницкого не учитывается, что парадигма не может служить единственным средством различения слов при конверсии в

тех случаях, когда исходное и производное слова имеют одинаковую парадигму. Достаточно указать на такие примеры конверсии, как *near-наздик* - *близкий* и *близко*, *fast –тез-* *быстрый* и «*быстро*», *late –дер* - *поздний* и «*поздно*» и т. п., где наречие и прилагательное сохраняют одинаковые степени сравнения. В своей теории конверсии Л. Смирницкий считает с тем, что парадигма не может служить средством оформления и разграничения слов, когда она отсутствует как у исходного, так и у производного слова (т. е. ограничена одной формой).

Например:

must — глагол «должен», существит. «то, что должно быть сделано, прочитано и т. п.

why — наречие «почему» и междометие «ну, как»;

after — наречие «позади, после» и прилагат. «задний, кормовой»;

where — наречие «откуда» и существит. «происхождение»;

without — предлог «без», наречие «вне, снаружи» и существит. «наружная сторона»;

down — наречие «вниз», прилагат. «направленный вниз»;

first — прилагат. «первый, начальный» и существит. «начало» и т. д.

Таких случаев много даже в области «изменяемых» частей речи, причем отсутствие парадигмы совершенно не сказывается на продуктивности конверсии.

Способ словообразования, при котором не используются специальные словообразовательные аффиксы в системе неизменяемых частей речи, по их мнению, основан «на изменении сочетаемости и только сочетаемости». Поэтому он якобы «качественно отличен от конверсии», не может быть обозначен тем же термином, а должен быть выделен как особый вид словообразования, что современная английская конверсия, как уже указывала проф. Н. Ярцева, есть не что иное, как морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором словообразовательными средствами являются одновременно грамматическая сочетаемость и грамматическая

форма слова («парадигма», при условии широкого понимания этого термина). Акт образования нового слова путем конверсии представляет собой использование основы исходного слова для оформления ее в другое слово в условиях иной грамматической сочетаемости, типичной для другой части речи.

В процессе этого оформления к данной основе присоединяются те грамматические форманты, которые необходимы для выражения морфологических категорий, свойственных этой другой части речи в условиях данной сочетаемости. Напомним, что Н. Ярцева пришла к такому определению английской конверсии, исходя из разработанной В. В. Виноградовым классификации способов русского словообразования, согласно которой переход слов из одной части речи в другую относится к морфолого-синтаксическим способам словообразования.

Это мнение разделяется также Н. М. Шанским, а по отношению к аналогичному явлению словообразования немецкого языка М. Д. Степановой, молдавского - Н. Г. Корлэтяну.

Современная английская конверсия представляет собой весьма сложное явление, в котором можно выделить целый ряд видов и типов, отличающихся друг от друга определенными особенностями. Именно эта сложность конверсии и послужила причиной той пестроты и противоречивости определений, которую мы встречаем в лингвистической литературе.

В сущности, каждая из концепций (семантическая, синтаксическая, морфологическая) основывается на рассмотрении какой-нибудь одной стороны данного явления, одного вида или одной ее особенности, не охватывая явление в его целостности. Детальное исследование отдельных видов и типов конверсии до сих пор еще не осуществлено (что также является одной из причин разногласий в понимании ее сущности). Это исследование может проводиться с различных точек зрения.

Наиболее обоснованными представляются следующие принципы классификации:

- по степени лексической устойчивости производного слова: устойчивая и «окказиональная» конверсия;
- по принадлежности производного слова к определенной части речи: субстантивация, вербализация, прономинализация, адъективация, адвербиализация и т. д.;
- по отношению данного акта конверсии к предыдущим аналогичным актам: конверсия «первичная», «вторичная» и т. д.
- по типичности словообразовательных отношений, устанавливаемых при данном акте конверсии: конверсия как модель и конверсия «уникальная».

Таким образом, следует кратко остановиться на окказиональной конверсии, результатом которой, в отличие от конверсии устойчивой, является так называемое «потенциальное слово», не вошедшее еще в словарный состав языка в качестве постоянно употребляющейся единицы и не закрепившееся в морфологических категориях данной части речи.

Отнесение этого вида конверсии к числу способов словообразования является в известной степени условным, поскольку образуемая единица не имеет общеупотребительного характера. Исходя из этого, некоторые исследователи считали, что в данном случае имеет место не конверсия, а «использование слова в нетипичной для этой части речи синтаксической функции», другие же выделяли случаи окказиональной конверсии в особый вид «синтаксической» конверсии. Обе точки зрения представляются нам необоснованными.

С другой стороны, эти слова характеризуются не только новыми синтаксическими свойствами, но и другим морфологическим оформлением, что не позволяет считать этот вид конверсии «синтаксическим». Хотя окказиональная конверсия имеет, как правило, индивидуальный, субъективный характер, она является необходимой начальной ступенью, из

которой в дальнейшем может развиваться устойчивая конверсия. Не каждый случай окказиональной конверсии развивается в устойчивую конверсию, но в основе каждого случая устойчивой конверсии лежит конверсия окказиональная. Поэтому более правомерным было бы рассматривать случаи окказиональной конверсии в общей системе словообразования наравне с прочими неологизмами, которые постоянно образуются в языке по любому из продуктивных способов словообразования и вначале носят обычно субъективный характер. Вряд ли надо доказывать здесь ошибочность попыток ограничить конверсию как способ словообразования одной вербализацией или даже образованием только отыменных глаголов. Нельзя согласиться и с выделением из конверсии субстантивации как особого и якобы отличного от нее способа словообразования. Все разобранные виды безаффиксального образования слов, отнесенные нами к конверсии (в том числе и субстантивация), по характеру и словообразовательным средствам не имеют никаких принципиальных различий и принадлежат к морфологосинтаксическому способу словообразования.

1.2. Семантическое отношение конверсной противоположности среди существительных

Конверсная противоположность - семантическое отношение между значениями двух лексических единиц, которые описывают и обозначают одно и то же несимметричное отношение о противоположных сторонах, Конверсивы представляют собой один из видов выражения импликационных связей значений слов. Помимо общей семы в семантических структурах конверсивов, обозначающей какое-то отношение, в их значениях содержатся дифференцирующие семы, имплицитующие друг друга.

По мнению некоторых лингвистов, конверсные отношения характерны прежде всего для глаголов [2, с.204].

При рассмотрении значений соотносительных парных конверсивов применяются методы компонентного анализа их семантических структур с использованием словарных дефиниций, анализа основных словообразовательных моделей, конверсивов-существительных.

Например, английские существительные *buyer* – *seller* (фурушанда-харидор) образованы от связанных парных конверсивов *buy* - *sell* с помощью суффикса-*er*. Общая категориальная сема *buyer* и *seller* обозначает лиц, участвующих в отношении. Общая категориальная сема имеет соответствия в формальной структуре конверсивов *buyer* - *seller*. Суффикс - *er* передает значение лексико-грамматического разряда существительных названий лица. Общая сема в лексических значениях *buyer* - *seller* - это обозначение понятия об отношении купли-продажи. Дифференцирующие *buyer* и *seller*, связанные обязательной взаимной импликацией, характеризуют покупателя и продавца в обозначаемом отношении.

Истинные конверсные существительные *lending* - обозначают отношение одалживания, связывающее, берущего в долг, и дающего в долг. Общая категориальная сема отражает значение действий участников

отношения. Общая сема в лексических значениях существительных *borrowing* - *lending* обозначает понятие об отношении одалживания.

Дифференцирующая сема *borrowing* характеризует действие берущего в долг, а дифференцирующая сема *lending* обозначает действие дающего в долг. Между дифференцирующими семами *borrowing* и *lending* существует обязательная взаимная импликация. Значения конверсных существительных *borrowing* и *lending* мотивированы значениями конверсных глаголов *borrow* *lend*, формант-*g* указывает на принадлежность конверсифов к лексико-грамматическому разряду абстрактных существительных.

Отглагольные имена действия *attack* - *resistance* - псевдоконверсивы, образованные от глаголов *attack* - *reeiet*. *Attack* образован по конверсии (V - N), прибавлением суффикса *-ance* к глагольной основе. Семантические отношения между псевдоконверсивными существительными аналогичны семантическим отношениям глаголов-псевдоконверсивов.

Так, общая категориальная сема *attack* и *resistance* отражает значения действий. *Attack* и *resistance* обозначают последовательные, встречно направленные действия участников отношения нападения - защиты.

Слабый импликационал значения «*attack*» включает значение «*resistance*» наряду с другими: «*counterattack*», «*retaliate*», «*ratrnat*» и т.д., в то время как значение «*attack*» входит ~ в обязательный импликационал значения «*resistance*».

Семантические отношения производных псевдоконверсивных существительных также мотивированы семантическими отношениями исходных глаголов - псевдоконверсивов.

Анализ отглагольных существительных, обозначающих действия, показывает, что они наиболее близки к глаголам по своим несемантическим характеристикам. Отглагольные имена действия можно рассматривать как предикатные слова, поскольку отглагольные существительные со значением действия, подобно глаголам, обозначает отношения между аргументами.

Некоторые конверсные существительные не являются производными от глаголов-конверсиров, например: *child - parent, creditor - debtor, fiancée - fiancée, husband - wife, inferior - superior, Junior - senior, lord - vassal*.

Значения конверсных существительных и прилагательных, не образованных от глаголов, в большинстве случаев можно объяснить с помощью значений глаголов-конверсиров.

Так, существительные *creditor (one who gives money to another person)* и *debtor (one who takes money from another person)* обозначают конверсное отношение одалживания. Общая категориальная сема конверси - BOB *creditor - debtor* отражает их значения имен лиц.

Общая сема в лексических значениях *creditor* и *debtor* передает понятие об отношении одалживания, в котором участвуют два лица. Дифференцирующая сема *creditor* характеризует дающего в долг, а дифференцирующая сема в значении *debtor* обозначает берущего в долг. Дифференцирующие семы в значениях *creditor* и *debtor* характеризуют лиц по их отношению друг к другу. Значение конверсных существительных *creditor* и *debtor* объясняются с помощью значений конверсиров *give* и *take*.

Таким образом, конверсные существительные в английском можно рассматривать как вторичные конверсивы. Значения конверсиров существительных, образованных от конверсных глаголов с помощью различных суффиксов, являются производными, мотивированными значениями исходных глаголов.

Конверсные значения существительных, которые не образованы от глаголов-конверсиров, семантически связаны со значениями конверсных глаголов. Непроизводные конверсивы можно также определить, как вторичные, поскольку их значения сводимы к значениям глаголов-конверсиров.

Начнем с существительных, обозначающих аргументы конверсии в отношении (лиц, иногда предметы). Связанные парные конверсные

существительные-обозначения аргументов отношений могут быть образованы от конверсных глаголов следующими способами:

- с помощью суффиксов - *er(og)* - *er(og)*, - *ent(ant)* - *ent (ant)*,
- с помощью суффиксов - *er(or)* - *ee(ed)*;
- смешанным способом, когда одно из связанных парных конверсных существительных образовано с помощью суффикса, а другое - по конверсии либо является непроизводным.

Например: *buyer - seller, borrower - lender, instructor - learner; employer - employee, grantor - grantee, accuser - (the) accused; 3convict - Jailer, disciple - leader* и др.

Конверсные существительные первой подгруппы могут быть образованы от глаголов лексико-семантических групп (ЛСГ) *давать-получать, додан-гирифтан - получения, победы - поражения, сообщения информации - получения информации, относительного положения в пространстве или во времени*.

Существительные *borrower - lender, buyer - seller, buyer, purchaser, employer - worker, exporter - importer, giver – taker* обозначают участников отношения *давать - получать, додан-гирифтан*.

Аргументы отношения победы - поражения обозначены существительными *winner u loser, голиб-маглуб*.

Конверсные пары *hearer - informer, informer - learner, instructor - learner, learner - teacher* могут употребляться для наименования участников отношения сообщения информации - получения информации.

Существительные *follower – leader* (шунаванда-гуянда), *predecessor - succea- sor* названия аргументов отношения относительного положения в пространстве или во времени.

Словообразовательная формула *V + er* имеет значение «производящий действие, обозначенное глаголом». Как следует из приведенных примеров, конверсные существительные в большинстве случаев обозначают активных участников конверсного отношения.

К этой же подгруппе относятся и конверсные существительные на -*ent(ant)s antecedent - consequent, antecedents - descendants*.

Конверсные существительные на -*ent(ant)* обозначают активно действующих аргументов отношения. Малое количество примеров объясняется тем, что суффикс -*ent(ant)* гораздо менее продуктивен в языке по сравнению с синонимичным суффиксом – *er (or)*.

Вторая подгруппа конверсных существительных в английском языке представлена однокоренными парными образованиями, одно из которых - существительное на – *er (or)*, а второе - существительное на -*ee*. Иногда второй член конверсной оппозиции существительных образован от глагола с помощью суффикса -*ed*, т.е. является субстантивированным причастием II: *assignor, assignee, employer - employee, grantor - grantee, lessor - lessee, promoter – pro-motee, trainer - trainee*.

Словообразовательная формула означает «подвергающийся действию, обозначенному глагольной основой».

Существительные на - *ee* могут обозначать только пассивного участника, подвергающегося действию активного лица. В тех случаях, когда оба аргумента выполняют в конверсном отношении активные функции, существительное *employer* образует конверсные пары со словами с другой формальной структурой: *employer - servant, employer - worker*.

Пары *employer - servant, employer - worker* обозначают конверсное отношение, для которого одинаково важны особенности статуса обоих участников.

Конверсные отношения в парах *employer - servant* и *employer - employee* различны. *Employer - employee* обозначают аргументы отношения, которое аналогично отношению между активом и пассивом.

Исследователи словообразовательных моделей отмечают большую продуктивность образований существительных на - *ee* в тех случаях, когда в языке имеются однокоренные соответствия на -*er*.

Существует тенденция к образованию однокоренных соответствий на -*ee* даже тогда, когда уже есть слово с таким значением.

В эту же подгруппу входят пары конверсных существительных *admirer* - *(the) admired*, *accuser* - *(the) accused*, *watcher* - *(the) watched*.

1.3. Аффиксальный и конверсионный способы словообразования: сходства и различия

При наличии синхронного словообразования наиболее важным является понятие производности. Каждому способу словообразования присущи свои закономерности, в том числе и отношения производности. Вместе с тем разные способы словообразования обнаруживают черты, сближающие их как в формальном отношении, так и в смысловом. Такая близость наблюдается у аффиксальных и конверсионных производных.

Отношения производности характеризуется, во-первых, наличием у каждого производного слова производящего слова (или основы); во-вторых, семантической соотнесенностью с производящим словом (мотивированность), при этом в структурном отношении производное сложнее, чем производящее; семантическая соотнесенность связано с семантическим сдвигом, который состоит либо в переосмыслении категориальной принадлежности исходного слова (транспозиция), либо в уточнении и конвертизации ее; в-третьих, наличием у производного слова словообразовательного значения, которое выражается тем или иным словообразовательным средством; в-четвертых, делением производного слова на производящую основу и словообразовательный элемент (аффикс и т.п.). При этом иногда производность бывает формально невыраженной.

Исходя из вышеизложенного, сопоставим отношения производности аффиксальных и конверсионных способов словообразования с целью установления у них черт сходства и различия.

Основным критерием отношений производности является семантический аспект.

По конверсии образуются существительные только от глаголов и глаголы от любой части речи. Поэтому сопоставлять будем здесь

производные глаголы, образованные по конверсии, и существительные, образованные по конверсии и с помощью суффиксов.

Приведем сначала производные на *-ize*. Заметим сразу же, что суф. – *ize* может производить глаголы от существительных и прилагательных только определенных семантических классов. В зависимости от этого он выражает следующее значение:

а) делать, производить, осуществлять то или заниматься тем, на что указывает производящее слово (основа): *atomize* – «распылять, дробить», *carbonize* – «обугливать, карбонизировать»: *diphthongize* – «образовывать дифтонг» и др.

б) «превращать (ся) в то, подвергать(ся) тому, на что указывает производящее слово (основа)»: *capitalize* «превращать(ся) в капитал, капитализировать», *vaporize* «превращать(ся) в пар».

с) «делать (ся), становиться таким, как на то указывает производящее слово (основа)»: *Americanize* «американизировать», *professionalize* «превращать в профессию; делать(ся), становиться профессиональным»; *regularize* «делать(ся), становится правильным, регулярным».

Покажем теперь, каким словообразовательным значением обладают производные глаголы, образованные от соответствующих существительных и прилагательных конверсионным способом:

а) *NrVt*: существительное выражает понятие репрезентации (планирования) работы, времени и т.п., а глагол обозначает «осуществлять, делать то, что обозначено существительным»; *programme* «программа» – *programme* «программировать»; *plan* – *plan* – «планировать».

Словообразовательным значением будет «осуществлять, делать то, на что указывает производящее слово (существительное)»;

б) *NVt*: существительное обозначает предмет, а глагол имеет значение «делать то, на что указывает существительное»: *roof* «крыша» *roof* «покрывать крышей, крыть (делать) крышу»; *pattern* «рисунки» – *pattern* «делать». Словообразовательное значение здесь то же, что и в примере;

с) N-Vt: существительное называет конкретный предмет, а глагольное действие, которому оно подвергается, т.е. «*делать, производить, заниматься тем, на что указывает производящее существительное*»: *trout* «форель» - *trout* «ловить форель»; *starch* «крахмал» *starch* «крахмалить»;

d) A-Vt: прилагательное обозначает внешние характеристики предметов, лиц, а глаголы придают, сообщают им эти характеристики, т.е. передают значение «*делать(ся), становиться таким, как на то указывает производящее слово (прилагательное)*»: *tame* «ручной» - *tame* «делать ручным, приручать», *obdurate* - «закоснелый», *obdurate* - «делать закоснелым»; *sallow* - «желтый» (о цвете лица) *sallow* - «делать(ся) желтым» (о цвете лица);

e) A-Vt: прилагательное обозначает характеристику или свойство предмета, а глагол имеет значение становиться таким, придавать это свойство, обладать этим свойством.

Следовательно, словообразовательным значением здесь выступает «*делаться таким, становиться, быть таким, как на то указывает производящее слово (прилагательное)*»: *Ruddy* «румяный» - *ruddy* «нарумяниться, быть красным»; *supple* «мягкий, гладкий, гибкий» - *supple* «сделаться стать мягким, гибким»; *ripe* «зрелый», *ripen* «быть зрелым»; *rough* «грубый» - *roughen* «быть грубым»; *flat* «ровный, плоский» - *flatten* «делаться ровным, плоским».

Теперь сопоставим производные по конверсии существительные от глаголов и производные существительные от глагольных основ с помощью суф. *-ation*, который имеет значение действия, результата действия, процесса, выраженного производящим словом (глаголом): *botheration* («*act or process of bothering, state of bothering*») «беспокойство, хлопоты»; *characterization* (*act, process or result of characterizing*) «характеристика»; *condensation* (*act or process of condensing or being condensed*) «сгущение, конденсация».

Аналогичным словообразовательным значением обладают производные существительные на *-ing* и *-ment*.

Ср.: *breathing* «дыхание», *crossing* «пересечение», *engraving* «гравирование», *encouragement* «одобрение», *entanglement* «запутанность», *shipment* «погрузка (на пороход)» и т.д.

Vt-N глагол обозначает действие, а производное существительное – процесс, факт этого действия, то есть словообразовательное значение таких производных то же, что и у суффиксальных производных: *trash* «молотить» - *thrash* «молотба»; *rescue* «спасать» - *rescue* «спасение»; *release* «освободить» - *release* «освобождение».

Из вышеприведенного сопоставления видно, что семантические отношения и словообразовательные значения суффиксальных и конверсионных производных совпадают.

Вторым по значимости фактором при определении производности слов является формальный критерий. В этом отношении аффиксальные производные отличаются от конверсионных.

Первые обладают формально выраженной производностью и поэтому членимы с точки зрения словообразования; они образуются по линейным моделям (по формуле $x+y$).

Вторые (конверсионные) имеют формально невыраженную производность и создаются по нелинейным моделям (по формуле $x-y$). Со словообразовательной точки зрения они нечленимы; они транспонируются из одной части речи в другую.

1.4. Отношение субстантивации к конверсии в истории английского языка

Решение вопроса о существовании конверсионного словообразования в древнеанглийском языке имеет принципиальное значение, так как от этого зависит правильное понимание сущности и действия конверсии как способа образования новых слов в современном английском языке. А.И. Смирницкий не видел в омонимии характерной особенностью конверсионного способа словообразования.

Данную концепцию разделяет и Дональд Ли, который трактует случаи образования глаголов и существительных без словообразовательных аффиксов как случаи конверсии впервые лишь после 1900 г. Он отмечает, что в древнеанглийском языке существовал целый ряд слабых глаголов, образованных от основ существительных и прилагательных, как, например, *lufian om lufu*, *blostmian om blostm*, которые проще всего было бы отнести к деривации, полагая, что суф. – *ian* является, очевидно, словообразовательным элементом. Однако, *-ian* – суффикс инфинитива, формы, которая представляет собой часть системы флексий языка и входит, таким образом, в парадигму глагола, поэтому он скорее формообразующий, чем словообразовательный суффикс. Подобное рассуждение, по словам Дональда Ли, позволило бы назвать такие древнеанглийские глаголы, как *lufian* и *blostmian*, примерами функционального изменения, т.е. конверсии.

Этот взгляд подтверждается и тем фактом, что в современном английском языке производное слово сохраняет словообразовательный суффикс во всех его словоформах: например, суф. – *ate* прослеживается в *regulate*, *regulates*. *Regulat(e) ing*, *regulated*, тогда как в древнеанглийском языке у слабых глаголов такого явления не наблюдается, т.е. в словоформах *lufie*, *lufast*, *lufath*, *lufiath*, *lufothe*, *lufodon* и т.п. суф. – *ian* отсутствует.

Сторонники древнеанглийской конверсии основным доводом своей теории считают тот факт, что в древнеанглийском языке при спряжении глаголов суф. – *ian* не входит в состав глагольной основы.

С древнеанглийского периода до наших дней дошло много отыменных глаголов, сохранивших суф. – *ian* в форме –*en*. Например: *gladian* (совр. *to gladden*) – «*to be glad, to make glad*»; *hiertan* (совр. *to hearten*) – «*to encourage, to animate*»;

Из этих примеров видно, что если бы они были образованы в древнеанглийском языке не суффиксальным способом, а по конверсии, то вряд ли они донесли бы до наших дней суф. – *ian* (в форме –*en*).

Следовательно, этот факт должен рассматриваться как аргумент для отнесения его к формообразующим аффиксам, а образование типа *gladian*, *fattian* и т.п. к конверсии. На основании всего вышеизложенного можно сказать, что в древнеанглийском языке конверсия как таковой еще не было; для образования глаголов от именных основ употреблялся суф. –*ian*, который в то время нес двойную нагрузку: словообразовательную (производил новый глагол) и формообразующую (создавал неопределенную форму глагола – инфинитив).

Итак, «конверсия» в нашем понимании – это такой вид словопроизводства, при котором соотносимые слова не различаются какими-либо словообразовательными аффиксами, и единственным словообразовательным средством служит парадигма слова.

О широком распространении конверсии сообщается во всех исследованиях, посвященных этому вопросу, независимо от исходных позиций автора. Образование отыменных глаголов по способу конверсии становится основным продуктивным способом глагольного словопроизводства. Но конверсия не ограничивается лишь образованием отыменных глаголов, хотя высокую продуктивность именно этого рода конверсии и отмечают многочисленные исследователи.

В устной речи наблюдается все более широкое использование способа конверсии и для образования существительных от глагольных основ. Некоторые существительные, образованные таким способом, уже прочно вошли в словарный состав английского языка. Однако и здесь основную проблему представляют те образования, которые не вышли из категории «потенциальных слов», но, тем не менее, широко используются в устной речи, так как сама модель, сам способ образования глаголов от основ существительных и существительных от основ глаголов является чрезвычайно продуктивным.

В устной речи наблюдается всевозможные пары глагол-существительное соотносящиеся по конверсии. Производные слова в них окказионально. Особенно интересным представляются материалы Бладина, в которых преобладают потенциальные глагольные образования. Современная английская конверсия представляет собой весьма сложное явление, к котором можно выделить целый ряд видов и типов, отличающихся друг от друга определенными особенностями.

Именно эта сложность конверсии и послужила причиной той пестроты и противоречивости определений, которую мы встречаем в лингвистической литературе.

В сущности, каждая из концепции (семантическая, синтаксическая, морфологическая) основывается на рассмотрении какой-нибудь одной стороны данного явления, одного вида или одной ее особенности, не охватывая явление в его целостности.

По определению Смирницкого, «конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводство), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова». (Смирницкий 1956, №5, 24).

К.А. Левковская заявляет, что «подобные производные слова с непроизводными основами имеются в различных языках, где распространена

так называемая конверсия (безаффиксное образование слов при помощи одной лишь парадигмы)».

«Слова этого рода принадлежат к морфологическому типу словообразования, причем *Schnitt, Lauf, Besuch* образованы посредством, так называемой конверсии. К конверсии, относятся все случаи словообразования, где мы имеем дело с переводом основ из одной части речи в другую путем включения этих основ в другую парадигму без применения каких-то других словообразовательных средств». (Левковская 1962, 250).

Н.Г. Корлэтяну отмечает, что производные слова, образованные по конверсии, сохраняют форму исходных слов. (Корлэтяну 1956, №3).

В отдельных трудах по языкознанию, хотя термин «конверсия» и не употребляется, но отмечается переход слов из одной части в другую. Так, в «Грамматике русского языка», вышедшей под реакцией В.В.Виноградова, говорится, что «в качестве имен существительных могут быть употреблены слова других разрядов, например, имена прилагательные: посевная, уборочная» (Виноградов 1952, 4).

М.Д.Степанова отмечает, что «Субстантивация, т.е. переход слов в класс существительных из других грамматических классов слов без применения каких-либо словообразовательных средств (аффиксов, изменения корня), известен с древнейших времен». (Степанова 1953, 100).

Языковеды Ю.С.Степанов и В.Г.Гак конверсию обозначают термином «несобственная деривация». (Степанов 1962; Гак 1960). Некоторые специалисты конверсию называют транспозицией. Так, Г.Г. Соколова заявляет, что «для обозначения вида словообразования, называемого в ряде трудов «конверсия», в нашей работе будет использоваться обозначение, предложенное Ш. Балли, транспозиция. (Соколова 1973, 7).

Отношение, между категориями речи в персидско-таджикском языке, при переходе слов из одной части речи в другую берет начало в далеком историческом прошлом и имеет место и системе частей речи по сей день.

Такие конверсионные отношения в большей степени характерны для

имени существительного и глагола: *мукофот* «премия» (имя существительное), коллектив «коллектив» (имя существительное), кооператив «кооператив» (имя существительное), электрик «электрик» (имя существительное) мукофотонидан «премировать» (глагол), коллективонидан «коллективизировать», электронидан «электрифицировать».

Следует отметить, что слова, подвергшиеся конверсии, наряду с приспособлением к новому общекатегориальному значению - морфологическим правилам вида и формы слов, изменяют и свою синтаксическую функцию, и синтаксическое положение.

Таким образом, конверсия тесно связана с грамматикой, так как она служит удобным средством связывания лексических элементов в форму словосочетания и предложения.

В персидско-таджикском языке отличают два вида конверсии:

1) Временная промежуточная или неустойчивая (непостоянная) конверсия. В таких случаях слово функционирует в парадигме двух частей речи: *Дар бисотам як духтар дорам, дигар фарзанд надорам* (6, 149). *Аз бой, аз дорам нолиш накарда, аз толеи худашон, аз дилу нияти худашон ноланд* (6, 39).

2) Устойчивая, или постоянная конверсия.

При таком переходе слово теряет свое прямое, первоначальное значение или отдаляется от него до такой степени, что, хотя и сохраняется внешнее сходство, смысловое сходство представляется относительно слабым, однако дополнительное значение всё же постепенно становится распространенным, в чем можно убедиться на примере слов *нависанда* «писатель» (писать), *парранда* «птица» (*паридан* - летать) и т.п.

Такие конверсионные отношения в большей степени характерны для имени существительного и глагола:

- *мукофот* «премия» (имя существительное), *коллектив* «коллектив» (имя существительное), *кооператив* «кооператив» (имя существительное), *электрик* «электрик» (имя существительное)

- *мукофотонидан «премировать» (глагол), коллективонидан «коллективизировать», электрондан «электрифицировать».*

Следует отметить, что слова, подвергшиеся конверсии, наряду с приспособлением к новому общекатегориальному значению - морфологическим правилам вида и формы слов, изменяют и свою синтаксическую функцию, и синтаксическое положение.

Таким образом, конверсия тесно связана с грамматикой, так как она служит удобным средством связывания лексических элементов в форму словосочетания и предложения.

ГЛАВА II

СУБСТАНТИВАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1.

Субстантивация частей речи в персидско-таджикском и английском языках

Переход слов других частей речи в существительные в персидско-таджикском языке является весьма продуктивным способом словообразования.

Исходные основы - прилагательные могут относиться к разным тематическим (семантическим) группам:

1. Существительные образуются путем конверсии от прилагательных, обозначающих цвет, и выражают предметы, связанные с признаком исходных прилагательных: *Сурхча* – *красноватый* – *сурхча* (название болезни). *Зард* (*желтый*) – *зард* (*замизард*) – название шаха в «Шахнаме» Фирдауси. *Сурх* (*красный*) – *сурхҳо* (*красные*) – сокр. Красногвардейцы. *Сафед* (*белый*) – *сафедҳо* (*белые, беляки*) – сокр. Белогвардейцы, переход словосочетания с прилагательными цветообозначающими: *Сари кӯл* (*начало озера*) – *Сарикул* – назв. реки на Памире.
2. Существительные образуются путем конверсии от прилагательных, обозначающих физические свойства, и выражают лицо, характеризующееся каким – либо физическим качеством: *кӯр* (*одами кӯр*) – *слепой человек* – *кӯр* (*слепой*), *кур кардан* – *стереть* - глагол.
3. Существительные образуются путем конверсии от прилагательных, обозначающих социальные свойства человека, и выражают лицо, связанное по его социальным признакам: *Одами бой* (*богатый человек*) – *бой* (*богатый*), *ҳарбӣ* (*военный*) – *одами ҳарбӣ* (*военнослужащий*).

Итак, лексико-семантические, морфологические и синтаксические, признаки слова являются критериями или принципами, по которым производится классификация частей речи.

Лексико-семантический принцип. В персидско-таджикском языке, как и в других языках, слова при разном конкретном лексическом значении имеют общее лексико – семантическое содержание.

Например, слова тиреза «окно», *чинс* «пол», *хона* «дом», *ьянгал* «лес», *зебои* «красота», *нагзӣ* «добродетель» и т.п. обозначают разные конкретные понятия. Однако, как бы ни отличалось их конкретное лексическое значение, общим для них является выражение предметности.

Для слов типа *сурх* «красный», *сабз* «зеленый», *зард* «желтый» при разном их конкретном лексическом значении общим является выражение признака предмета.

Слова типа *дарав* «быстро», *оҳиста* «медленно» и т.п. выражают признак действия.

Как видно из примеров, существующие в таджикском языке слова можно объединить в особые классы по их общему лексико-семантическому содержанию: слова, выражающие предметность; слова, выражающие признак предмета, выражающие признак действия, и т.д.

Указанные значения являются лексико-семантическими обобщениями. Они не выходят за пределы такого обобщения и не поднимаются до грамматической абстракции.

Классификация слов языка в особые разряды по их лексико – семантическому признаку в принципе ничем не отличается от выделения отдельных лексико – семантических групп внутри самих частей речи. Так, например, у существительных – конкретные имена и абстрактные имена, у глаголов - глаголы состояния и глаголы действия и т.д. общее значение данных лексико-семантических групп так же не выходит за пределы лексического обобщения.

Лексико-семантический принцип применим только для знаменательных слов. Для так называемых служебных слов (частей речи) его нельзя применить, поскольку они не имеют лексических значений. С точки зрения классификации частей речи, «семантическим» значением служебных слов является грамматическое значение. По типу своих грамматических значений они также объединяются в отдельные разряды: послелог, союзы, частицы.

Существующие в персидско-таджикском языке лексико-семантические классы (разряды) слов имеют свои отличительные грамматические особенности, которые в свою очередь являются признаками, характеризующими данный класс (разряд) слов. Каждый класс (разряд) слов различается только ему присущими морфолого-синтаксическими особенностями.

Поскольку при классификации частей речи учитываются эти морфолого-синтаксические свойства слова, постольку части речи представляют не лексические, а лексико-грамматические классы (разряды) слов.

Морфологический принцип. Этот принцип состоит в учете совокупности морфологических признаков слов при их классификации по частям речи. В понятие морфологического признака слова многие исследователи включают не только форму слова, словоизменение, но и словообразование.

В персидско-таджикском языке, слова могут не иметь особой формы, присущей только определенной части речи. Но это не значит, что такие слова в иранских языках грамматически не оформлены.

«Если мы знаем, что *какаду* – название птицы, - писал Л.В. Щерба, - то мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [О.П. Суник, с.62]

По этому поводу А.И. Смириницкий замечает, что отсутствие какой – либо формы у слова совсем не означает, что данное слово является грамматически не оформленным.

Имена существительные сопоставляемых языков обладают большим количеством словообразовательных суффиксов. В персидско-таджикском языке наиболее продуктивными суффиксами существительного являются: -истон, -тон, -дон, -гор, -иш, -бон, -чй (*гулистон, бустон, Тонкие тон, нондон, хониш, дониш, колхоз- чй, коргар, богбон, соябон*). Наиболее продуктивными суффиксами английского языка являются: -tion, -er, -or, -ness, -ship, -hood, (*dictation, conversation, doctor, actor, teacher, reader, happiness, greatness, friendship, membership, manhood, boyhood*).

В персидско-таджикском языке категория числа выступает как главный грамматический признак, отличающий существительное от прилагательного. Единственное число имен существительных в обоих языках имеет нулевой показатель: book – китоб. Существительные в английском и персидско-таджикском языках изменяются по числам. Множественное число в персидско-таджикском языке является маркированной формой, что характерно для сопоставляемых языков. В персидско-таджикском языке показателями множественного числа существительных являются суффиксы -хо, -он, а в английском -s, -es, например: *хоҳар, модарон, books, matches*.

Слова, заимствованные из арабского языка, в частности существительные, образуются путем внутренней флексии и суффиксов -от, -ин и «ломаного множественного»: *ахбор, ахборот, муаллимин*.

В современном персидско-таджикском языке «ломаное множественное» (*асатид, фарамин*) считается архаичным и употребляется редко.

Следует также отметить, что употребление морфем -хо и он как показателей множественного числа имён существительных весьма различно. В языке классической литературы суффикс – он употребляется для одушевленных, а – хо для неодушевленных имен.

Однако в современном персидском и таджикском языках -ҳо стало более универсальной морфемой множественного числа имен существительных, как неодушевленных, так и одушевленных. Кроме того, от некоторых заимствованных из арабского языка слов образуется двойственное число (*тарафайн* - обе стороны - *ду тараф*), которое обозначает два однородных предмета.

Некоторые существительные английского языка, образуются путем изменения внутренней флексии: *man* - *men*, *woman* - *women*, *tooth* - *teeth*, *goose* - *geese*, *mouse* - *mice*, имена существительные, заимствованные из греческого и латинского языков, которые сохранили форму множественного числа: *datum* - *data*, *memorandum* - *memoranda*, *basis* - *bases*, *crises* - *crises*.

В составных существительных, которые пишутся слитно, типа *postman*, *schoolgirl*, форму множественного числа принимает второе слово, входящее в его состав: *postmen*, *schoolgirls*, *housewives*.

В английском языке названия многих парных предметов употребляются во множественном числе: *scissors* - *қайчӣ* (*микрос*), *spectacles* - *айнак*, *scales* - *тарозу*, в то время как в персидско-таджикском языке эти существительные употребляются во множественном числе лишь тогда, когда имеются в виду несколько пар: *Bring the scales*. *Тарозуро биёр*. *Тарозухоро биёр* означает «принеси несколько весов».

Подобно английскому языку в персидско-таджикском языке слово *мева* - *fruit* употребляется во множественном числе для обозначения различных видов фруктов: *Меваҳо пухтанд*. *Fruits are ripe*.

В обоих языках слова «математика, физика, фонетика» - *physics*, *phonetics* употребляются со существительными единственного числа, хотя в английских словах имеется флексия-s.

Некоторые существительные в английском языке и персидско-таджикском, употребляются только в единственном числе, существительные неисчисляемые и отвлеченные: *дустӣ* - *friendship*, *муҳаббат* - *love*, *рашк* - *jealous*.

Существительные, как правило, определяются прилагательными, употребляясь после них.

В отличие от существительных класс прилагательных (качественных) характеризуются степенями сравнения и особой формой сочетаемости (прилагательные, как правило, употребляются перед существительными) и не имеет категории падежа, числа и притяжательное.

Наречия также не имеют форм словоизменения и характеризуются особой формой сочетаемости (наречия употребляются перед глаголами и прилагательными).

Синтаксический принцип. Хотя некоторые исследователи (Т.И. Грунин, А.И. Исаков и др.), не принимают во внимание этот принцип или считают его чем-то второстепенным, однако при классификации частей речи в персидско-таджикском, его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Так, имена существительные в предложении, как правило, употребляются в функции подлежащего и дополнения. Но это не значит, что существительные не могут употребляться в функции других членов предложения, хотя типичной для них является функция подлежащего и дополнения. Имена прилагательные употребляются в основном в функции определения, наречия – в роли обстоятельств. Заметим, что синтаксический принцип включает в себя такой признак, как грамматическая сочетаемость слов. Учет этого принципа представляет особую ценность для тех языков, где слово может выступать, например, в роли и существительного, и глагола и т.д. Так, английское слово *fire* (*огонь, стрелять*) обладает грамматическим значением глагола и существительного.

В персидско-таджикском языке, наблюдается то же самое. Как известно, часть существительных в персидско-таджикском языке в своей основной форме, без каких – либо изменений, может выражать признак предмета, т.е. значение прилагательного. При этом существительное употребляется перед другим существительным, определяя его.

Употребление существительных, перед другими существительными в качестве определения в персидско-таджикском языке представляет обычное явление.

По мнению некоторых исследователей, как было указано выше, такое употребление существительных не изменяет их морфологической природы: они только выполняют функцию определения.

На наш взгляд, данное мнение не соответствует действительности:

Во-первых, с лексико-семантической точки зрения существительные, употребленные перед другими существительными в изафетных конструкциях первого типа, обозначают не предметность, а признак предмета. Если мы внимательно изучим семантику первых компонентов сочетаний деги мисин, *соати тиллои, роҳи оҳан*, то обнаружим, что они обозначают относительный признак предмета, а не предмет.

Во-вторых, рассматриваемые нами существительные в персидско-таджикском языке не изменяются ни по падежам, ни по числам, ни по категории притяжательности: *роҳи оҳан, бо роҳи оҳан, роҳҳои оҳан, роҳҳои оҳани Осиёи Марказӣ*.

Следовательно, данные существительные в указанных сочетаниях не имеют морфологических признаков существительного. Наоборот, по своей неизменяемости они полностью совпадают с прилагательными.

В-третьих, по типу синтаксической функции и грамматической сочетаемости указанные существительные также отличаются от обычных существительных, как известно, «грамматическая сочетаемость – один из существенных формальных признаков той или другой части речи». (Поспелов 1954, 5).

По этим признакам они совпадают с прилагательными. Как по месту употребления, так и по синтаксической функции они ничем не разнятся от прилагательных.

Все сказанное говорит о том, что эти типы слов, по форме полностью совпадающие с существительными, не являются существительными в

собственном смысле этого слова. Поэтому указанная особенность приведенных существительных должна получить в первую очередь морфологическую интерпретацию, т.е. должно быть выяснено их место в морфологической системе языка, а потом уже должна определяться их синтаксическая роль, ибо рассматриваемые существительные, прежде всего, изменяют свои морфологические свойства.

Точка зрения, согласно которой употребление существительных в роли определения объясняется результатом отсутствия дифференциации части существительных и прилагательных, как было отмечено выше, придерживается, в частности, В.М. Жирмунский: «Основная группа таких именных определений, - пишет он, - относится к названиям материала, из которого сделан определенный предмет.

Все такие названия являются двойственными, в зависимости от синтаксического употребления существительными или прилагательными».

К употреблению существительных перед другими существительными в качестве определения можно подойти еще и с другой позиции, рассматривая исследуемое нами явление в персидско-таджикском языке как конверсию. Известно, что в английском, французском, армянском, молдавском и некоторых других языках употребляются слова одной части речи в значении другой части речи.

Исследователи германских и романских языков указанное явление относят к конверсии. В германских, романских языках эта проблема выдвинута давно и усиленно разрабатывается (см. труды М.Бизе, А.И. Смирницкого, Ю.А. Жлутенко, Ц.Г. Матурели, Н.Г. Корлэтяну и др.)

В иранистике употребление слов одной части речи в значении слов другой части речи как явление конверсии только еще начинает изучаться. Исследуемое явление персидско-таджикского языка впервые было рассмотрено как конверсия в работах Ш. Рустамова (Рустамов, 1970).

Имеются также труды и по тюркскому языку, посвященные конверсии (Шоев 1980; Умарова 2003; Умарова 2004; Умарова 2005), где конверсия

рассматривается как способ словообразования. По мнению авторов этих трудов, слова одной части речи переходят другую, не претерпевая при этом никаких внешне выраженных структурных изменений в лексемной основе.

Что, из себя представляет конверсия, как особый тип словообразования? Ю. А. Жлуктенко, например, утверждает, что акт образования нового слова путем конверсии представляет собой использование основы исходного слова для оформления ее в другое слово в условиях иной грамматической сочетаемости, типичной для другой части речи. Автор пишет, что:

1) при конверсии новое слово образуется не в изолированном виде, а в его сочетании с другими словами;

2) образующееся при конверсии слово в своей основной форме является омонимом основной формы исходного слова;

3) производное слово всегда принадлежит к иной части речи, чем исходное слово [Жлуктенко 1958, №5, 63].

По его мнению, в теории конверсии А.И. Смирницкого не учитывается то, что парадигма не может служить существенным средством различения слов при конверсии в тех случаях, когда исходное и производное слово имеют одинаковую парадигму.

Достаточно указать на такие примеры конверсии, как *near* «близкий и близко», «быстрый и быстро», *late* «поздний и поздно».

Например, английские существительные *stone* «камень», *glass* «стекло», *gold* «золото», *silver* «серебро», *colour* «цвет», *fur* «мех» без каких – либо изменений формы образуют прилагательные; *a stone bridge* «каменный мост», *a stone wall* «каменная стена», *a glass dishes* «стеклянная посуда» *a gold watch* «золотые часы», *a silver spoon* «серебряная ложка», *a fur coat* «меховая шуба», *a colour film* «цветной фильм» и т.д.

Следует отметить, что приведенные выше английские существительные в англо-русских словарях переводятся и как

существительные, и как прилагательные, например: *silver* «серебро, серебряный; *gold* «золото, золотой» (Англ.- русский словарь 1956).

В русско-английских словарях русские слова *серебро* и *серебряный* переводятся одним и тем же словом *silver*, *золото* и *золотой* – одним и тем же словом *gold* и т.п. (Русско – англ. Словарь 1963).

Исследователи английского языка конверсию считают одним из основных способов словообразования, обогащающих английский язык, а вот во французском языке явление конверсии существительных не очень распространено, но все – таки оно там наблюдается.

К примеру, такое же явление наблюдается и в молдавском языке: «В молдавском языке, - пишет по этому поводу Н. Г. Корлэтяну, - прилагательное может приобрести лексико-семантическое значение и выполнять синтаксическую функцию существительного или наречия; существительное может переходить в категорию прилагательных, наречий и далее местоимений». (Корлэтяну 1956, № 3, 85).

И далее: «Имеется и общий термин, когда речь идет вообще об этом особом виде словообразования, т.е. когда лексические единицы формируются без использования морфологических, словообразовательных элементов в виде суффиксов и префиксов. Таким термином следует считать конверсию (лат. *conversio* «обращение, превращение»), который хотя и не получил еще в лингвистической литературе широкого применения (его употребляют преимущественно в отношении английского языка), но представляется, весьма удобным и точным, так как указывает на определенный, специальный способ словообразования, относящийся к различным частям речи» [Корлэтяну 1956, № 3, 85].

Таким образом, в персидско-таджикском языке употребление существительных в качестве прилагательных можно рассматривать как явление конверсии, ибо оно в персидском языке принципиально ничем не отличается от конверсии в германских и романских языках. Рассмотрение

изучаемого явления в персидско-таджикском языке как конверсии, по нашему мнению, ближе к истине, чем другие точки зрения.

Однако при конверсии, на наш взгляд, не образуется два омонимичных слова, как полагает исследователь английского языка Ю.А. Жлуктенко. Например, английское *silver*, (сущ.) и *silver* (прилаг.), таджикское тилло (прилаг.) и *тилло* (сущ.) между собой не являются омонимами в собственном смысле слова. Они являются конверсионными словами, различающимися как по семантике, так и по грамматической структуре.

По этому поводу И.Ф. Вардуль пишет, что «часть речи есть класс слов, но одно и то же слово может принадлежать одновременно разным частям речи. Способностью принадлежать более чем одной части речи обладает не лексема, а вокабула» [Вардуль, 1965,22].

Как известно, прилагательные выражают признак предмета. Однако часть прилагательных в иранских языках, в частности в персидском и в персидско-таджикских языках может выражать и признак признака, и признак действия, употребляясь перед глаголами и прилагательными (*корди тез, тез хондан*).

Отдельные исследователи многих языков, в частности персидско - таджикского языка, утверждают, что употребление прилагательных в качестве определителя признака глагола не изменяет их морфологической природы: они выражают обстоятельство образа действия, оставаясь прилагательным. По нашему мнению, эта точка зрения не совсем правильно отражает рассматриваемое явление.

Во-первых, прилагательные употребленные перед глаголами, обозначают не признак предмета, а признак глагольного действия или признак признака. Они по типу своего лексического значения ничем не отличаются, например, от таких английских слов, как *poor* (бедный - бедно), *close* (близкий - близко), *far* (далекий - далеко), *useless* (бесполезный - бесполезно), употребленных в следующих сочетаниях: *he lives poor* (бедно

живет), *he lives far from* (далеко живет), *it is useless speak to him* (бесполезно говорить с ним).

Такие виды персидско-таджикских слов ничем не отличаются, например, и от таких французских слов, как *hunt, bas, juste, faux, bon, mauvais*, употребленных в значении наречия. Исследователи французского языка Е.О. Костецкая и В. И. Кардашевский вышеприведенные французские слова считают прилагательными, употребленными в значении наречия [Костецкая, Кардашевский, 1954,243].

Как показывают факты, общее значение персидско-таджикских слов *тез, тоза, рост* и т.п. в сочетаниях *тез хондан, тоза чиндан, рост рафтан* является наречным.

Во-вторых, данные слова, как и наречия, не изменяются ни по падежам и числам, как ни по категории притяжательное ТМ, кроме степеней сравнения.

В-третьих, по синтаксической функции они, как и наречия, употребляются в роли обстоятельства образа действия. По грамматической сочетаемости они в указанном значении употребляются, как и наречия, только перед глаголами или перед прилагательными.

Такие типы слов некоторые специалисты считают конверсионным (например, Н. Г. Корлэтяну 1956, №3, 85; А.Я. Загоруйко 1961,...). Следует заметить, что эта точка зрения, по нашему мнению, ближе к истине, чем другие, и, безусловно, полнее раскрывает природу изучаемого явления. Последнее не означает, что в английском, русском и персидском языках не существует прилагательных и наречий как самостоятельных частей речи. Безусловно, в названных языках и прилагательные, и наречия являются самостоятельными частями речи. Но наряду с ними имеются и слова со значениями как существительного и прилагательного, так и прилагательного и наречия.

Поэтому при исследовании процессов словообразования всех языков невозможно пройти мимо такого явления, как конверсия. Она в иранистике

является одним из оригинальных способов словообразования, обогащающим его, и должна стать объектом монографических исследований, как это имеет место в германистике.

В свое время С.Д. Кацнельсон утверждал, что «формальное неразличение имен существительных и прилагательных, как, например, в языке австралийского племени аранта ал-кира «небо, голубой, ясный» или шита «яма и глубокий» и тому подобное, является особенностью первобытных языков и первобытного мышления» [Кацнельсон, 1974, 303]. Т.А. Дегтерева, как бы отвечая на такое понимание конверсии, заявляет, что «...Мысль, как известно, находит свое материальное осуществление именно в предложении.

Таким образом, многозначность слова никогда не может быть признаком или показателем диффузности мышления, ибо слово многозначно только вне грамматического оформления, в то время, как мышления материализуется только в словах, грамматически организованных в цельные смысловые комплексы» [Дегтерева, 1961, 55].

По логике С.Д. Кацнельсона, английский язык также можно отнести к первобытным языкам, где тоже существует формальное неразличение имени существительного и глагола (*love* «любовь, любить») существительного и прилагательного (*stone* «камень, каменный»).

Необходимо иметь в виду, что наличие в одном, отсутствие в другом языке некоторых грамматических явлений или их типологическое несоответствие ни в коем случае не говорят об отсталости или развитости языка. Это только показывает, что возникновение и развитие языка шло по своим, только ему присущим особым законам.

Трудно сказать, как шло историческое развитие конверсионных слов: или по пути расширения их значения, т.е. сначала они употреблялись в значении одной части речи, потом уже стали употребляться в значении другой части речи, или же сразу, с возникновения они имели двойственный характер.

Общая теория языка, на наш взгляд, говорят в пользу того, что указанные слова по мере развития языка расширили свои значения и стали использоваться и в роли другой части речи.

Итак, как видно из вышеизложенного, явление конверсии наблюдается во многих языках мира: в английском, французском, армянском и др.

Такая же картина имеет место в персидско-таджкском языке, где одни исследователи объясняют данное явление результатом недифференцированности частей речи, а другие заявляют, что оно представляет собой чисто синтаксическое явление, и нет необходимости в его морфологической интерпретации.

Определение конверсии как образование нового слова путем перевода в другую парадигму словоизменения является неполным.

По поводу этого определения Ю.А. Жлутенко писал: «в теории конверсии А.И. Смирницкого не учитывается, что парадигма не может служить единственным средством различения слов при конверсии в тех случаях, когда исходное и производное слово имеют одинаковую парадигму» [Жлутенко, 1958, № 5, 60-61].

Как известно, в слове наиболее изменяющейся и развивающейся является его семантика. Расширение семантики слова происходит в пределах одного лексико-грамматического класса. В персидско-таджикском языке большинство слов является, как правило, полисемантическим, как результат развития семантической структуры слова под воздействием экстралингвистических факторов.

Лексическое изменение слова, расширение его значений иногда может выйти за пределы одной части речи. Категориальное значение слова может перейти в категориальное значение другого лексико-грамматического класса слов.

По нашему мнению, результатом конверсии следует рассматривать переход не только основы, но и словоформы исходного слова в другую часть речи происходят следующие лексико-грамматические процессы. При

переходе основы или словоформы исходного слова в другую часть речи происходят следующие лексико – грамматические процессы.

Во-первых, между производным словом и исходной основой устанавливается отношение внутренней семантической производности, т.е. сохраняется материально-семантическая связь между указанными элементами.

Во-вторых, происходит изменения значения (лексической семантики) производного слова в сравнении с исходной основой. Так, например, существительное, переходящее в прилагательное, начинает обозначать признак предмета, перестав выражать предмет: пример «железо», роҳи оҳан «железная дорога».

Прилагательное, переходящее в наречие, начинает обозначать признак действия, перестав выражать признак предмета в грамматическом смысле слова: китоби хуб «хорошая книга», хуб навиштан «хорошо писать».

В - третьих, изменяется сочетаемость производных слов. Если, например, существительное само по себе автономно, в предложении оно может употребляться в любой позиции, переходя же в разряд прилагательных, оно употребляется только перед существительным, при других позициях теряет свою производность.

Прилагательное же, переходя в разряд наречий, перестает употребляться перед существительным, начинает употребляться перед глагольными формами.

В-четвертых, изменяется парадигма слова, т.е. переходящее слово воспринимает все морфологические признаки той части речи, куда оно переходит. Так, существительное, переходя в лексико-грамматический класс прилагательных, перестает изменяться по падежам, числу и притяжательное ТМ, как это имеет место у прилагательных в персидско-таджикском языке: роҳи оҳан «железная дорога», бо роҳи оҳан «железной дорогой», роҳҳои оҳан «железные дороги».

Таким образом, при конверсии слово полностью переходит в другой лексико-грамматический класс, при этом основной данной производности в персидско-таджикском языке является грамматическая природа, семантика и сочетаемость слова.

Как показывают факты, в персидском и таджикском языке парадигма не всегда является основной производности при образовании слов путем конверсии. Для субстантивированных слов этот принцип еще применим, ибо они, переходя в разряд существительных, полностью принимают на себя их парадигму. А для существительных, переходящих в прилагательные, лишь условно можно говорить, что у них основу производности представляет собой парадигма в том смысле, что они, теряя полностью парадигму существительного, не приобретают никакой парадигмы, поскольку у функциональных прилагательных отсутствует всякая парадигма.

Прилагательные же, переходящие в наречия, никакой парадигмы не имеют, как и наречия. Поэтому говорить о парадигме у наречий как о признаке производности не приходится.

Переход слов одной части речи в другую бывает двух типов: 1) лексико-семантический; 2) морфолого-семантический.

Лексико-семантический тип – это переход основы слова в другую часть речи, при этом не происходит никаких формально-структурных изменений.

Морфолого-семантический тип – это переход словоформы в другую часть речи путем ее изоляции из прежней парадигмы. Имеется также третий тип конверсии – переход словосочетания в сложные слова. Это явление относится к образованию сложных слов путем конверсии, оно нами здесь не рассматривается.

Конверсия может быть узуальной, постоянной, происходить на уровне языка. При этом новое слово, образованное конверсией, относится к совершенно иному лексико-грамматическому классу, перенимает все его

семантико-морфологические признаки, употребляется в совершенно иной синтаксической функции.

Но следует подчеркнуть, что конверсия – это не синтаксическое варьирование слова. Об этом М.В. Никитин пишет так: «Употребление слова данной части речи во вторичных синтаксических функциях, являющихся основанными синтаксическими функциями другой части речи, может быть названо синтаксическим варьированием слова, принадлежащего к иной части речи, и нет оснований относить явления синтаксического варьирования к словообразованию.

Пределом синтаксического варьирования являются субстанция, адъективизация, вербализация и т.п.

Хотя переход из одной части в другую, несомненно, связан с возможностями синтаксического варьирования слова и последнее служит отправной точкой и основой первого, тем не менее, принципиально это разные явления и их следует разграничить: в первом случае действительно возникает новая словарная единица, во втором случае этого еще не происходит» [Никитин 1966, 9].

Отличительными чертами конверсии, происходящей на уровне языка, в отличие от конверсии, происходящей на уровне речи, являются следующие признаки: во-первых, изменяется лексическое значение слова, а изменение лексического значения слова приводит к образованию нового слова. Иногда новое значение далеко отходит от значения исходного слова.

При контекстно-ситуативном переходе слов лексическое значение не изменяется. Во-вторых, изменение, как грамматической природы, так и лексического значения является постоянным, не зависит от временных факторов, от ситуации (или контекста).

Поэтому почти все словари, как правило, фиксируют данное явление или как переход слова (напр., в английском языке) или как употребление слова в функции другой части речи (напр., в **персидском** языке). Ситуативно – контекстные переходы слов вообще в словарях не отражаются.

Итак, в английском и персидско-таджикском литературных языках наблюдается переход слов во все части речи и самым продуктивными являются субстантивация и адвербиализация.

Системное исследование данной проблемы, как явствует из вышеизложенного, является весьма актуальным, имеет научно – теоретическое и практическое значение.

Характерная особенность слова заключается в том, что оно может включать в свой состав различные морфемы – корневые и аффиксальные. Аффиксальные морфемы делятся на: словообразовательные и словоизменятельные.

Именно это деление и послужило предметом исследований и выводов о типах языков. В зависимости от своей морфологической структуры все слова в сопоставляемых языках делятся на слова, которые состоят из одной корневой морфемы и на слова, состоящие из основы и словообразовательной морфемы. К словам первого типа относятся знаменательные и незнаменательные слова в сопоставляемых языках: *нон, ду, бад, ман, ин, он – bread, two, bad, I, this, he*. К словам второго типа относят, числительные: *хондан - хонанда, андешида – беандеша – боандеша; read –reader, thought - thoughtless - thoughtful*.

Но нас волнует безаффиксальный способ словообразования, т.е. такой процесс, при котором одно и то же слово употребляется в функции разных частей речи, не изменяя свою внешнюю форму – конверсия. Более того, нас волнует переход частей речи именно в разряд существительных в рамках конверсии. При этом различные части речи приобретают предметное значение и выступают в функции существительного.

Переход слов персидско-таджикского языка в разряд существительных является весьма продуктивным способом словообразования. Следует отметить, что вопрос субстантивации в персидском языке изучен, не так подробно, как в английском. Но это не означает, что данный процесс не нашел широкого применения в персидском языке. В существительные

конверсируется слова практически всех знаменательных частей речи, кроме наречий. Таджиковед Ш.Рустамов, называя безаффиксный способ словообразования морфолого-синтаксическим, указывает на большое значение субстантивации в словообразовании в персидском языке. [Рустамов, 4].

2.2. Субстантивация имен прилагательных

Субстантивация прилагательных и причастий занимает в системе таджикского именного словообразования совершенно особое, своеобразное место. Этому явлению, как и вообще проблеме «переходности» частей речи, посвящена обширная лингвистическая литература. Однако рассматривалось оно в многочисленных исследованиях преимущественно в историко-лексикологическом и собственно морфологическом аспектах; словообразовательному же аспекту, было уделено слишком мало внимания. Большинство исследователей указывает лишь на то, что субстантивация относится к особому, морфолого-синтаксическому (по терминологии В. В. Виноградова) виду словообразования, понимаемому преимущественно исторически, как постепенный переход слова из одной части речи в другую. Показательно, что в грамматических курсах современного русского языка при описании словообразовательной системы субстантивация не рассматривается (она более или менее подробно описывается в разделе морфологии, в связи с грамматическими свойствами имени прилагательного).

Между тем теперь, когда в исследованиях по словообразованию особое внимание уделяется принципам описания словообразовательной системы языка с синхронической точки зрения, необходимо применить этот аспект и к явлению субстантивации, определить его место среди других способов русского именного словообразования. Особенно важно для выяснения специфики этого способа словообразования и его границ отметить те релевантные для него признаки, на основании которых можно выделить отдельные словообразовательные типы субстантиватов и дать общую.

Имя существительное является частью речи, обладающей высоким лексико-грамматическим потенциалом. Имена существительные образуют многочисленный по составу класс, и с их помощью отражается объективная действительность и окружающий мир в сознании человека. По этой причине у них наблюдается наибольшая динамика в лексико-семантическом и

грамматическом отношении по сравнению с другими частями речи, так как реальная коммуникативная потребность в использовании данной категории слов велика. Именно имена существительные обладают различными продуктивными способами словообразования. «Предметное значение имен существительных в таджикском языке уточняется всеми лексикой - грамматическими категориями».

Приобретая категории имени существительного в тексте, слова со значением признака, свойства употребляются в предложении, как и подобает существительным, в роли подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства: *Донӣ, ки сухандон кӣ бувад? Он, ки бидонад, Бадро зи наку, боз накуро зи накутар.*

Имя прилагательное, как правило, обозначает признаки и свойства лиц и предметов (качественное имя прилагательное), или отношение предмета к другому предмету, времени и месту (относительное имя прилагательное) и всегда подчиняется грамматически и к смыслу имени существительному и зависит от него.

Субстантивация присуща как качественным, так и относительным именам прилагательным. Субстантивированные имена прилагательные обозначают имена людей, названия предметов или непосредственно сами признаки (не в составе изафетных именных словосочетаний).

Субстантивированные имена прилагательные называют лица и предметы только по свойствам и признакам. Для выражения таких значений чаще употребляются качественные имена прилагательные различной структуры: *Банда бояд хаминро хам арз кунам, ки канону хурди ахолии Шодоб хдма ба диё-нату покии ахлоки Аббос гувоҳӣ медиханд.*

Ношинос бо таъзим салом кард.

Нодон сухан кунад, доно киёс.

Беҳунар он, ки дар офок; касаш нест хасуд.

Назар ба калонсолон хиссаи моро зиёдтар мекарданд.

Относительно взаимоотношений между именем существительным и именем прилагательным целиком и полностью разделяем позицию Ш. Рустамова, который говорит: «Все те имена прилагательные, которые очень близки к именам существительным и где достаточно намёка для понимания их как существительного, употребляются либо отдельно от своих имен существительных, либо больше самостоятельно».

Надо сказать, что при переходе имени прилагательного в разряд существительного лексическое значение последнего до определенной степени оказывается ограниченным. Если слово, будучи именем прилагательным, определяет различные свойства и признаки предмета и лица, то в качестве имени существительного оно только называет отдельное лицо или предмет по какому-либо свойству или же называет сам признак. Например, субстантиваты *пир* - «старый», *чавон* «молодой», *бузург* «великий», *калон* «большой», *хурд* «маленький» и т.п., обладают такими особенностями.

При переходе в разряд существительных качественные имена прилагательные, прежде всего, приобретают предметное значение и принимают все морфологические категории и синтаксические функции имени существительного. Субстантивированным качественным именам прилагательным присущи следующие грамматические признаки:

а) употребление во множественном числе, что абсолютно не характерно для имен прилагательных.

б) принимают категорию определенности/неопределенности (детерминативности) и единичности. Если значение определенного лица или предмета выражается прибавлением послелога -ро к слову, употреблением указательных местоимений вместе с субстантивированными словами, количественными числительными, то значение неопределенности и единичности выражается при помощи артикля -е, числительного «як» (один), числительных с неопределённо-количественным значением, неопределенного местоимения «ягон» (какой-то):

*Бадавдеширо лафзи ширин мабин,
Ки ширин бувад захр бо ангубин.*

в) имя прилагательное, перешедшее в разряд существительного, употребляется в предложении в роли подлежащего, именного сказуемого и дополнения и в роли дополнения с предлогом или послелогом и приобретает значение существительного предмета: *Бесавод мисли кур аст.*

г) в составе словосочетания используется в роли главной (определяемой) части и требует определения:

Дар назари дехотиён иа авомон хар як донишманди калон валӣ аст (12, 219).

д) употребляется в роли именной части составных глаголов и обозначает абстрактное понятие или название свойства, или признака вместо имени существительного: *Аз афташ, падарам бисёр мехост, ки ман хам босавод шавам.*

е) имена прилагательные, перешедшие в разряд существительных, принимают притяжательные суффиксы (местоименные энклитики), которые указывают на признак предмета и на то, к кому относится качество, свойство или признак: *Хуш он кас, ки оби рухи худ нарехт, Ба некаш рух оварду аз бад гурехт.*

ж) другой чертой перехода имен прилагательных в разряд существительных является то, что они употребляются с междометиями обращения и восклицания.

Понятие обращения в речи выражаются при помощи междометий «эй», «оё», «хой», (восклицательное «о»), которые прибавляются в конце слова: *Ту чӣ маслихат медихи, хой чавон, нурсид пирамарде.*

з) качественные имена прилагательные в форме множественного числа употребляются в качестве собирательных имен существительных: *сафедон-сафедхо* (Гвардияи сафед), *сурххо* (Армияи сурх).

Таджикский ученый-стилист. Б. Камолиддинов одобряет форму качественного прилагательного *сурххо* «красные», однако он выступает против

субстантивата сафедон «белые». Он отмечает по этому поводу, что «образование формы множественного числа слова сафед «белый» при помощи суффикса - он ... (*гвардиячиёни сафед-белогвардейцы*) вряд ли целесообразно.

Мы считаем справедливым данное утверждение, и выражение мысли в форме сафедхо «белые», действительно, точнее и лучше.

Есть также случаи перехода некоторых качественных прилагательных в грамматическую форму степени сравнения: *Ба воситаи номи падар ба мансабхои калон мерасиданд ва беиштаринашон мансаби худро суистифода мекарданд.*

Так, в результате изменения функции и транспозиции прилагательных образуются имена существительные со следующими значениями:

1. Имена существительные, обозначающие лицо по каким-либо признакам и свойствам. Почти все имена прилагательные, характеризующие человека, могут употребляться как имена существительные». *Амсоли марди чавон - чавон, чавонон «молодой человек, молодые», зани хуб - ху-бон «хорошая женщина, хорошие», шахси босавод - босаводон «грамотный человек, грамотные»* и т.п. Например: *Аз хурдон хатову аз бузургон ато.*

2. Имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы: *матон атлас (атлас, адрас), либоси пусти- пусти, хурдании ширавор-ширавор* и другие.

3. Имена существительные, обозначающие понятие признака и свойства: в этом значении данные слова, выступают в большинстве случаев как именной компонент составных глаголов: *кори бад - бад кардан, оби хунук - хунук кардан, хавои гарм - гарм кардан, фикри хато- хато кардан, кудаки гунг- хунт будан, марди ланг- ланг будан* и т.д.

4. Имена существительные, обозначающие имена людей и образовавшиеся за счет качественных прилагательных: *бинои равшан - Равшан, комати зебо - Зебо. дастони нозук - Нозук. меваи ширин - Ширин.*

Прилагательные обозначают признак и качество предмета, потому и они всегда связаны с существительными, т.е. зависимы от них, подчинены им.

Поэтому все разряды прилагательные, качественные и относительные могут переходить в существительные.

Субстантивированные прилагательные обозначают лица или предметы только по их качествам и признакам.

Примеры:

Прилагательные - Существительные (субстантивация)

Калон - (большой): калонсол – одами калонсол –пожилой человек - an old man

Бузург - одами бузург – великий (большой человек) – great person

Сафед – белый - white; куртаи сафед – белое платье - white dress

Чавон – молодой - young; одами чавон – молодой человек. Young man

Бемор – больной -diseased; шахси бемор – больной человек - diseased man

Хуб – хороший -good; духтари хуб – хорошая девочка- good girl

Дигар – другой -another; кори дигар – другая работа - another work

Сурх – красный- red; лолаи сурх – красный тюльпан.- red tulip

Хурд – маленький - small; писарчаи хурд – маленький мальчик – small boy

Калонсолон – старшие - elders; калонсолон ба неш гузаштанд – старшие вышли в перед – the elders came forward

Бузургон – великие; бузургонро иззат кардан лозим аст – надо уважать великих – the greats should be respect

Сафедхо – белые, беляки; сафедхо акиб нишастанд – белые отступили – the white's retreated

Чавон даромада омад – парень вошел - the young has come

Бемор сихат шуд – больной выздоровел – the patient recovered

Хубон намуранд – хорошие не умирают - good person is not die

Дигарон – другие; дигарон холо наомадаанд – другие еще не пришли - the others have not come.

Сурхьо – красные; сурхьо ғалаба карданд – красные победили – the reders won

Хурдакак – маленькие; хурдакак ханда мекунанд - маленькие смеются – the little are laugh

Как видим, переходя в существительные, прилагательные обозначают название людей, предмета или же самого признака вообще. Субстантивированные прилагательные людей или предмета называют лишь по их признаку: *чавонони деа – сельская молодежь; муйсафедони мехнатдуст – трудолюбивые старики.*

Следует отметить, что лексическое значение субстантивированных прилагательных, в отличие от самих прилагательных несколько ограничено. Если сами прилагательные обозначают различные признаки и качества людей и предметов, то переходя в существительные, они называют их по одному определенному признаку или качеству.

Например: словам *пир – старый, старик, чавон – молодой, бузург – великий, калон – большой, хурд – маленький и т.п.* присущи именно названные качества.

Сравните: *шахси пир – старый человек - old man, дарахти пир – старое дерево – old tree, бузи пир – старая коза – old goat, пирак – старик - old man, пир шудан – постареть, дарахти бузург – большое дерево, олими бузург – великий ученый, одами бузург – большой человек.*

Примеры: *Назар ба калонсолон ҳиссаи маро зиёд мекарданд.* (С.А.Ед – 1,95). *Агар ман барин дарозњоро буридан мегирифтанд, ту барин кутуххо аз гуруснагӣ мемурдед.* (С.А.. Д 181). *Ин саҳар як чавони аробакаш туро, дар ҳолате ки аз захми байни ду шонаат хун мерафт, бардошта овард. Калонони деҳа болои кораширо пушида фиристоданд.* (С.А. Ғ..226). *Духтур гумон кард, ки ба ягон бемораи ҳодисае шуд.* (Р.Ч. Ш. – 2, 228).

Субстантивированные прилагательные (переходившие в существительные) могут принимать все морфолого-синтаксические категории существительных, которые подтверждают преобразование прилагательных в существительные.

Таким образом, мы видим, что и в **персидском** языке нашел широкое применение конверсионный способ словообразования, а в частности субстантивация. Как и в английском языке, это обусловлено аналитическим строем языка и неизбежной тенденцией к экономии языковых единиц, а также необходимостью в номинации новых понятий, появляющихся в результате общественно – экономического развития. А тем более в наши дни, когда идет стремительное упрощение языка, этот словообразовательный способ активно используется.

В таджикском языке имеется много существительных, образованных путем конверсии прилагательных. Прилагательные обозначают признак и качество предмета, потому они и связаны всегда с существительными. В сопоставляемых языках прилагательные могут переходить в имя существительное и приобретают морфологические признаки последнего. Этот переход генетически обуславливается родством этих классов.

Поэтому все разряды прилагательных, качественные и относительные, могут переходить в существительные: *калон – большой: одами калонсол – пожилой человек; калонсолон – старшие: калонсолон ба пеш гузастанд – старшие вышли в перед; сафед – белый: куртаи сафед – белое платье; сафедхо – белые, беляки: сафедхо акиб нишастанд – белые отступили.*

Как видим, переходя в существительные, прилагательные обозначают название людей, предмета или же самого признака вообще. Название идет по признаку: *чавонони деа – сельская молодежь; муйсафеди меҳнатдӯст – трудолюбивые старики.*

Следует отметить, что лексическое значение субстантивированных прилагательных несколько ограничено. Если сами прилагательные обозначают различные признаки и качества людей и предметов, переходя в существительные, они называют их по одному определенному признаку или качеству: *пир – старый, старик; чавон – молодой; бузург – великий, калон – большой; хурд – маленький* и т.п. присущи именно названные качества.

Для сравнения: *шахси пир* – старый человек; *дарахти пир* – старое дерево; *бузи пир* – старая коза; *пирак* – старик; *пир шудан* – постареть; *дарахти бузург* – большое дерево; *олами бузург* – великий ученый; *одами бузург* – большой человек.

Субстантивированные прилагательные (перешедшие в существительные) могут принимать все морфолого-синтаксические категории существительных, которые подтверждают преобразование прилагательных в существительные:

1. Принимают суффиксы множественного числа, которые не свойственны прилагательным в **персидском** языке: *Хурдхоро озор надихед* – не обижайте маленьких. *Дар лабони хубруен ханда кори дигар аст.*

2. Принимают категорию определенности /неопределенности, которая выражается артиклем – *ей* числительными – *як, ягон*: выражающие обращения: *ей, эй хой и о* – *муноди*: *Эй, ҷавон даст аз китоб намон.*

Прилагательные, перешедшие в категорию имени, как существительные приобретают и синтаксические свойства существительных:

а) входят в изафетную связь посредством изафетного окончания – *и*: *Ҷавони дехаи мо дар мусобика дар пеи истоданд* – молодежь нашего селабыла впереди в соревнованиях;

б) принимают предлоги и послелого: *пиронро хурмат бояд кунед* – нужно уважать пожилых;

в) могут принимать энклитические местоимения (энклитика): *дигараширо гир* – возьми другой. *Беиштаринашон ба кор намебаромаданд* – многие из них не выходили на работу;

г) могут выступать в роли подлежащего: *Вафодорони Ватан ақиб намегаиштан* – верные Родине не отступали.

д) могут принимать функцию дополнения в предложении: *Бузургонро бузургон бузург медоранд.*

Следует отметить, что в существительные переходят и производные прилагательные. Например, прилагательные обозначающие отрицательные

качества человека и образующиеся посредством префиксов *но-*, *бе-* и т.п.: *пок* – *нопок* – *чистый*, *святой* – *holy* – *нечистый*; *бино* – *нобино* – *зрячий* *capable of seeing* – *слепой* *-blind*; *вафодор* – *бевафо* – *верный* *-true* – *неверный* *-incorrect*.

Итак, исходные основы – прилагательные могут относиться к разным тематическим (семантическим) группам.

Существительные образуются от прилагательных, обозначающих духовно-психические качества человека: *ноустувор* (*неустойчивый*) *unstable* – *ноустувор* – *stable* (*беспринципный человек*).

Субстантивирование глаголов. В персидско-таджикском языке путем конверсии глаголов образуется значительное количество существительных: *даромад* (*вошел, заходил*) – *call (on)*, – *даромад* (*вход*); *дарефт* (*находил*) – *дарёфт* (*находка* – *find*); *баромад* (*вышел*) – *баромад* (*выход*) *-going out*; *бурд* (*унес*) – *бурд* (*выигрыш* – *winning*).

Как видно из примеров, в данном случае идет образование глагольных фром прошедшего времени.

В этом процессе обычно участвуют глаголы, которые «обозначают единичный акт конкретного процесса» и свободно образуются от глаголов типа *fall, run, smoke, bathe, laugh* и т.п. так как действия, обозначаемые ими, «могут быть представлены в виде отдельных единичных актов».

Обозначение существительным единичного акта конкретного процесса опирается на основное номинативное значение глагола. Процесс, используемый для образования существительных от глагольных основ, охватывает значительно более широкие семантические сферы, чем те основные номинативные значения глаголов, на которых базируется возможность обозначения единичных актов конкретного процесса. В большом количестве глаголов обозначаемое действие может осознаваться в целом как одно действие, ограниченное во времени, но не подчеркивающее течение процесса. Отсюда и возможность появления

таких существительных, как *sleep*, например: *had a good sleep*; *walk*, например: *we took a long walk* - *мо дуру дроз сайру гаит кардем*.

К этой же группе можно отнести следующие созданные «на случай» существительные: *lie* от глагола *lie* - *лежать*, например: *we went on a duck shoot*.

Новообразование приобретает все качества, присущие сложному существительному в английском языке, категорию числа, падежа, а, кроме того, обладает, как и всякое слово, образованное этим способом, меньшей или большей степенью окказиональности. Примерами таких образований могут служить: *carry on* - *поведение*; *rub-down* - *массаж*; *look-out* - *осторожность, внимательное наблюдение*.

Субстантивирование причастий. Также стоит отметить переход в существительные и причастных форм: *нависанда* (*пишущий*) – *нависанда* (*писатель*)- *writer*; *хонанда* (*читающий*) *reading* – *хонанда* (*ученик*); *бофанда* (*ткущий*) – *бофанда* (*ткач*); *оянда* (*идуший*) – *оянда* (*будущее*); *фурушанда* (*продающий*) – *фурушанда* (*продовец*).

Таким образом, мы видим, что и в персидско-таджикском языке нашел широкое применение конверсионный способ словообразования, а в частности субстантивация. Как и в английском языке, это обусловлено аналитическим строем языка и неизбежной тенденцией к экономии языковых единиц, а также необходимостью в номинации новых понятий, появляющихся в результате общественно – экономического развития. А тем более в наши дни, когда идет стремительное упрощение языка, этот словообразовательный способ активно используется. Слова типа *дарав* «быстро», *охиста* «медленно» и т.п. выражают признак действия.

Как видно из примеров, существующие в персидско-таджикском языке слова можно объединить в особые классы по их общему лексико-семантическому содержанию: слова, выражающие предметность; слова, выражающие признак предмета, выражающие признак действия, и т.д.

Указанные значения являются лексико-семантическими обобщениями. Они не выходят за пределы такого обобщения и не поднимаются до грамматической абстракции.

Классификация слов языка в особые разряды по их лексико-семантическому признаку в принципе ничем не отличается от выделения отдельных лексико-семантических групп внутри самих частей речи. Так, например, у существительных – конкретные имена и абстрактные имена, у глаголов – глаголы состояния и глаголы действия и т.д. общее значение данных лексико-семантических групп так же не выходит за пределы лексического обобщения.

Лексико-семантический принцип применим только для знаменательных слов. Для так называемых служебных слов (частей речи) его нельзя применить, поскольку они не имеют лексических значений. С точки зрения классификации частей речи, «семантическим» значением служебных слов является грамматическое значение. По типу своих грамматических значений они также объединяются в отдельные разряды: послелог, союзы, частицы.

Следует иметь в виду, что, если при классификации частей речи исходить только из лексико-семантического признака, получаются не части речи, а особые обобщенные лексико-семантические классы слов.

Существующие в таджикском языке лексико-семантические классы (разряды) слов имеют свои отличительные грамматические особенности, которые в свою очередь являются признаками, характеризующими данный класс (разряд) слов. Каждый класс (разряд) слов различается только ему присущими морфолого-синтаксическими особенностями.

Поскольку при классификации частей речи учитываются эти морфолого-синтаксические свойства слова, постольку части речи представляют не лексические, а лексико-грамматические классы (разряды) слов.

Морфологический принцип. Этот принцип состоит в учете совокупности морфологических признаков слов при их классификации по частям речи. В понятие морфологического признака слова многие исследователи включают не только форму слова, словоизменение, но и словообразование.

В Иранских языках, в частности в таджикском языке, слова могут не иметь особой формы, присущей только определенной части речи. Но это не значит, что такие слова грамматически не оформлены. Если мы знаем, что *какаду* – название птицы, - писал Л.В. Щерба, - то мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [Суник, с.62]

По этому поводу А.И. Смирницкий замечает, что «отсутствие какой – либо формы у слова совсем не означает, что данное слово является грамматически не оформленным...

Грамматически оформленным является каждое слова, хотя не всякое слово выступает, в какой бы то ни было определенной грамматической форме. Прежде всего, грамматическая неизменяемость слова определенным образом, и притом именно грамматически, характеризует, определяет его в отличие от слов, грамматически изменяемых».

Так, например, в **персидском** языке класс слов, относимых к существительным, характеризуется особыми формами словоизменения (категориями падежа, числа и притяжательности) и имеет свою систему словообразования и грамматической сочетаемости.

Существительные, как правило, определяются прилагательными, употребляясь после них.

В отличие от существительных класс прилагательных (качественных) характеризуются степенями сравнения и особой формой сочетаемости (прилагательные, как правило, употребляются перед существительными) и не имеет категории падежа, числа и притяжательное.

Наречия также не имеют форм словоизменения и характеризуются особой формой сочетаемости (наречия употребляются перед глаголами и прилагательными).

Также стоит отметить переход в существительные и причастных форм: *нависанда (пишущий) – нависанда (писатель); хонанда (читающий) – хонанда (ученик); бофанда (ткущий) – бофанда (ткач); оянда (идуший) – оянда (будущее); фурушанда (продающий) – фурушанда (продовец)*. Английские конверсионные производные глаголы обычно передаются на таджикский язык путем составных глаголов, образованных аналитическим путем от именной части речи и вспомогательного глагола типа кардан, намудан: *work – кор – to work – кор кардан; a book – китоб – to book – заказ намудан; oil – равган – to oil – равган кардан*.

Таким образом, мы видим, что и в персидско-таджикском языке нашел широкое применение конверсионный способ словообразования, а в частности субстантивация. Как и в английском языке, это обусловлено аналитическим строем языка и неизбежной тенденцией к экономии языковых единиц, а также необходимостью в номинации новых понятий, появляющихся в результате общественно – экономического развития. А тем более в наши дни, когда идет стремительное упрощение языка, этот словообразовательный способ активно используется.

Общеизвестно, что субстантивация как безаффиксальный способ словообразования является одним из самых продуктивных в различных языках, даже в языках разных структурных типов, как русский и английский. На продуктивность любой словообразовательной модели оказывает влияние внеязыковые факторы. К первым относятся: необходимость номинации новых понятий, появляющихся в результате общественно-экономического развития, прогресса науки и техники, а также влияние «моды». Ко вторым тенденциям к экономии речевых усилий, стилистические факторы, заимствования, а также внутри грамматические параметры, среди которых грамматический строй языка. Широкие

возможности субстантивации в английском языке также обусловлены этими же факторами.

Субстантивация, как отмечают лингвисты, занимает особое место в системе английского словообразования в силу преимущественно аналитического характера его морфологии – почти полного исчезновения морфологических показателей частей речи в результате исторического разрушения флексий. Э.М.Медникова характеризует субстантивацию в английском языке как весьма продуктивный способ словообразования, замечая, правда, что «если под абсолютной продуктивностью понимать такое явление, когда для словообразования не существует структурно-грамматических ограничений, языковые факторы показывают абсолютную продуктивность конверсии» [Медникова, 114] что характерно для языков аналитической ориентации.

Наиболее отчетливо аналитизм строя языка проявляется в аспекте конструирования языковых единиц (синтагматический план) и в аспекте их категориального оформления (парадигматический план).

Аналитический строй языка открывает широкие возможности для субстантивирования разных видов языковых единиц. В английском языке субстантивируются все слова, способны субстантивироваться словосочетания, предложения.

Речь далее будет идти только о «глубине» субстантивирования, т.е. степени реализации значения субстанциальности.

Широкие возможности для субстантивирования открываются и в результате тенденции к экономии речевых усилий. С этой точки зрения субстантивация - «способ сокращения выражения мысли», а субстантивы - единицы, «лишенные образующей избыточности». Способность к образованию субстантивов разного рода является не только иллюстрацией тенденции к экономии языковых средств, речевых усилий, но и свидетельством богатства языка, располагающего большим выбором вариативных средств.

Субстантивы – это, прежде всего, достояние речи. Поэтому как новообразование они рождаются в разговорном стиле, который дает по истине обширные возможности для словотворчества. Например, *a but – возражение; a perhaps (maybe), a might-have-been- возможность; an I – личность; a to do – суматоха, суета; have nots and never hads- бедняги, нищие* и др.

Под субстантивацией понимается переход, прежде всего, прилагательных и причастий в существительное, но также признается переход в существительное других частей речи и категорий слов. в современной лингвистической литературе проблема субстантивации прилагательных получила наиболее полное и систематическое описание. Субстантивации прилагательных и причастий посвящены работы многих русистов.

Исследованием данного прочеса долго занимался один из успешнейших отечественных профессоров А.И.Смирницкий. В своих работах он подверг критике распространенные идеи о том, что конверсия – «изменение синтаксической функции слова».

Показав, что в результате конверсии появляется новое слово, А.И.Смирницкий окончательно установил, что конверсия является способом словообразования. Он также исследовал соотношение между исходным и производным словом в случае данного способа словообразования и показал, что производное слова обладает внутренней, семантической производностью.

Одним из важных достижений в понимании конверсии следует считать указание профессора на большую и активную роль, которую играет при конверсии морфологическое оформление слова - парадигма. Как известно, Смирницкий придавал такое большое значение этому фактору, что считал парадигму единственным словообразовательным средством при безаффиксальном способе словообразования.

[Смирницкий, 35].

Большинство работ о конверсии, появившихся после статей А.И. Смирницкого, является лишь дальнейшей интерпретацией его взглядов или истолкованием в свете его теории тех или иных моментов, связанных с конверсией в различных языках. В то же время в ряде других работ высказывается несогласие с некоторыми моментами его теории, а в некоторых случаях даже полное, ее отрицание.

Но мы в частности говорим о таком типе конверсионного способа словообразования, как субстантивация.

В отечественной германистике субстантивация прилагательных и причастий изучается всесторонне многими лингвистами. Среди зарубежных англистов известны труды Г. Поутсмы (1914), О. Есперсена (1928).

Менее изучена субстантивация других частей речи и категорий единиц, а те лингвисты, которые занимаются субстантивацией разных категорий единиц, высказывают разные мнения по поводу возможности такого рода субстантивации. Разногласия появляются при ответе на следующие вопросы: возможна ли субстантивация незнаменательных частей речи, морфем, словосочетаний, предложений, если да, то, какой характер она носит, какова ее «глубина» или степень «опредмечивания»?

Субстантивация разных языковых единиц (слов разных частей речи, словосочетаний, предложений) как возможная рассматривается Т.Ш. Гвенетадзе, в области немецкого языка, Л.А. Телегиным, в области английского языка, зарубежными лингвистами (А.Кеннеди, Дж.Кермом, Р.Пенсом, В.В.Виноградовым).

Такого рода субстанцию ставит под сомнение русист В.Н. Мигирин, замечая, что «служебные части речи характеризуются иммиграционной трансформацией: они обогащаются за счет перерождения слов, принадлежащих к другим частям речи». Он исходит из того, что при переходе одной части речи в другую, обобщается содержание, заложенное в данную часть речи, т.е. происходит изменение объема содержания

объективной действительности, что на определенном этапе приводит к качественному изменению понятия. Другими словами, прежде всего, меняется лексическое значение слова, помимо изменения его целое предложение могут субстантивироваться – преобразовывать в предметное слово, все-таки сочетание слов останется сочетанием, а не словом», - пишет он. Видимо, по его мнению, позиция названных единиц в предложении и их синтаксическая функция не могут быть отождествлены с явлениями переходности в системе частей речи, которые связаны отношениями: исходное слово – производное слово. Тем не менее, таких случаи как *«перестань»*, *«авось»*, *«если бы»*, *«ау»* В.В.Пассек классифицирует, как «лексико-синтаксическую транспозицию, поскольку помимо окказионального функционирования, эти единицы могут сопровождаться лексическими сдвигами в сторону конкретизации из значения, обусловленными контекстом».

Что касается окказионального употребления разных языковых единиц и превращение их в функциональные субстантивы, с В.В. Пассеком и В.Н. Мигриным можно согласиться. Однако сомнение вызывает утверждение, что все случаи такого рода являются только окказионализмами, есть же узусное употребление слов типа *«сегодня»*, *«ахи»*, *«делать что-то на авось»* [Мигрин, 132].

Другое дело, что окказионализм не всегда может перейти и узус, и здесь В.В.Пассек совершенно прав, когда говорит, что «если созданы условия, это не значит, что преобразование обязательно произошло. Дальше синтаксической транспозиции дело может и не дойти, т.е. окказиональная синтаксическая функция, в силу различных внутренних семантических и структурно-грамматических свойств единиц может быть пределом преобразований, и в системе языка не появится новое или даже синкретичное слово, способное в будущем преобразоваться в единицу производного класса». [Пассек, 100].

Если субстантивация служебных частей речи, морфем, словосочетаний и предложений вызывает сомнение, хотя допускается возможность их окказионального употребления в качестве синтаксических субститутов, то у местоимений, в частности притяжательных, наречий имеет место не только окказиональная субстантивация.

Так, по крайней мере, считают некоторые исследователи. Узуальная субстантивация в английском языке охватывает более широкий круг категорий единиц по отмеченной выше причине, по причине аналитизма строя языка и сложившейся нефлективной морфологии. Мнения зарубежных англистов по субстантивированию разных языковых единиц приведем при рассмотрении частных вопросов данной проблемы. Мы исследуем субстантивацию как возможную среди разных языковых единиц. Разные языковые единицы участвуют в разных видах субстантивации и проявляют разную степень субстанциональности. Одни способны соотноситься с конкретным понятием, другие - с абстрактными, третьи выражают в высшей степени абстрагированную субстанциональную идею.

2.2.1. Субстантивирование местоимений, числительных, наречий, прилагательных как способ словообразования

Сложным является вопрос о субстантивировании местоимений, так как местоимения выделяются в отдельную часть речи и причисляются в отдельную группу существительных или прилагательных, и называются при этом существительные-местоимения, прилагательные-местоимения.

Субстантивация прилагательных, как известно, это обычное явление. Поэтому в случае первых о субстантивации можно и не говорить, а субстантивация вторых вполне понятна.

В класс местоимений включены «разношерстные» единицы, сходные по своим функциям и с существительными, и с прилагательными. Е.Крейзинг пишет об употреблении местоимений на –body и –thing в качестве существительных, определяемых либо другим местоимением, либо артиклем, или в форме множественного числа. [Крейзинг, 34]. В качестве существительных употребляются и местоимения all, any, one, some, other и могут принимать функцию подлежащего и дополнения в предложении: All were clad in the same soft, silky material; I will take some. [Крейзинг, 68].

В отечественной англистике субстантивация местоимений исследовалась, наряду с субстанцией других частей речи, Р.Мамедовым. Автор признает субстантивацию притяжательных и указательных местоимений, а вопросительных и личных – нет. Лингвист считает, что употребление личных местоимений с определенным артиклем свидетельствует лишь о создании особых семантических оттенков – конкретности и определенности. [Мамедов, 88-90].

Собранный материал показывает, что субстантивация личных местоимений возможна, и, субстантивируясь, они стремятся к узуальности. Узуальность местоимений he/she, предметно-квантификативных местоимений на -body, и -thing, квантификативных детерминативов other/another, вопросительных местоимений who, what также отмечается.

Субстантивирование числительных также признается многими авторами, однако, специальных работ, насколько нам известно, по этой проблеме нет.

Многие зарубежные лингвисты не выделяют числительное в самостоятельную часть речи – это либо местоимения-числительные, либо прилагательные-числительные. А так как субстантивация прилагательных чрезвычайно распространена, то субстантивное употребление числительных считается обычным явлением. Но чаще всего этому процессу подвергаются количественные числительные: *Now the other two got out.*

Путем непосредственного присоединения друг к другу без каких-либо соединительных элементов из различных именных частей речи и наречий образуются сложные наречия времени, места, образа действия. При этом прослеживаются два таких способа: сочетания двух разных основ, посредством которого создаются те или иные морфологические модели сложных наречий, между составными частями которых усматриваются следы отношения подчинения, например, существительное + существительное; существительное + прилагательное; наречие + существительное; наречие + существительное; числительное + существительное и др.

Редупликация - продуктивный способ, посредством которого образуются наречия следующих типов: а) *образа действия: дарав-дарав-очень быстро; (по)скорей;*

С точки зрения внутренней структуры наречия, образованные посредством редупликации, представлены целым рядом разновидностей, имеющих разную степень частотности употребления и не всегда одинаковое территориальное распространение в говорах.

Наречия, образованные редупликацией имен существительных, широко распространены, но степень их употребительности относительно невелика; обозначают: а) *время: гох-гох иногда, изредка;*

Наречия, образованные редупликацией имен прилагательных, распространены неравномерно, одни - повсеместно, другие - территориально ограничено; обладают в основном значениями наречия образа действия. К

наречиям, распространенным повсеместно, относятся главным образом те, что образованы от слов общетаджикского словарного фонда: *майда-майда - понемногу; тихонько;*

Таким образом, при субстантивации местоимений и числительных, лингвисты говорят об эллиптическом их употреблении, окказиональном, а у наречий признается узуальная субстантивация, устойчивая, с полным переходом в разряд существительного.

Субстантивация прилагательных и причастий занимает в системе именного словообразования совершенно особое, своеобразное место. Этому явлению, как и вообще проблеме «переходности» частей речи, посвящена обширная лингвистическая литература.

Однако рассматривалось оно в многочисленных исследованиях преимущественно в историко-лексикологическом и собственно морфологическом аспектах; словообразовательному же, аспекту было уделено слишком мало внимания. Большинство исследователей указывает лишь на то, что субстантивация относится к особому, морфолого-синтаксическому (по терминологии В. В. Виноградова) виду словообразования, понимаемому преимущественно исторически, как образование новых слов. Показательно, при описании словообразовательной системы субстантивация не рассматривается.

Между тем теперь, когда в исследованиях по словообразованию особое внимание уделяется принципам описания словообразовательной системы языка с синхронической точки зрения, необходимо применить этот аспект и к явлению субстантивации, определить его место среди других способов русского именного словообразования.

Особенно важно для выяснения специфики этого способа словообразования и его границ отметить те релевантные для него признаки, на основании которых можно выделить отдельные словообразовательные типы субстантиватов и дать общую характеристику этих типов в их

отношении к другим словообразовательным типам существительных, к другим способам слово разования.

Считаем возможным говорить о субстантивации в **персидском** языке как о способе словообразования только применительно к прилагательным и другим частям речи, имеющим прилагательное склонение и грамматические категории, свойственные прилагательному. Субстантивное использование других частей речи (например, наречия, инфинитива, служебных частей речи), а также целых словосочетаний и предложений, иногда называемое также субстантивацией, является только особым синтаксическим употреблением и представляет собой синтаксическую, а не словообразовательную проблему.

Обращаясь к субстантивированным прилагательным и причастиям, необходимо, прежде всего подчеркнуть, что со словообразовательной точки зрения они мотивированы теми прилагательными, которым они омонимичны. Например, существительные *blind* – *нобино* - *слепой*, *blind* – *иинос-знакомый*, *brave* – *нотарс* - *смелый* и т. п. обозначают лицо, названное по свойству, выраженному основой имени прилагательного. Они обладают морфологическими категориями и синтаксическими свойствами, присущими имени существительному. Но основная особенность их, в отличие от других существительных, также мотивированных прилагательными (например, *слепец*, *знакомец*, *смельчак*), — это система флексий, характерная для прилагательного.

Формальным показателем мотивированности существительного прилагательным, носителем словообразовательного значения в этих словах и является сохранение в имени существительном части парадигмы, свойственной мотивирующему - прилагательному, а именно, закрепление за существительным функционально преобразующейся грамматической в лексикограмматическую).

Для персидско-таджикского языка использование в субстантиватах флексий прилагательного - это специфическое свойство, отличающее

субстантивацию от всех других способов словообразования, в том числе и от нулевой аффиксации, также характеризующейся отсутствием материально выраженного специального словообразовательного аффикса (суффикса или префикса).

Таким образом, можно сказать, что субстантивация прилагательных - это образование существительных, структурно мотивированных прилагательными, с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного (парадигмы одного грамматического рода или только множественного числа). При этом какие-либо дополнительные формальные отличия мотивированного от мотивирующего (чередования, различие места ударения, усечение основы и т. и.) отсутствуют.

Часто отмечается тот факт, что субстантивированные прилагательные могут возникать не только путем постепенной утраты (эллипсиса) определяемого ими существительного в результате длительного исторического употребления словосочетания (например, *портной мастер - портной* – *tailor* - *дузанда*), но и мгновенно, по модели уже существующих в языке субстантиватор.

При этом некоторые исследователи противопоставляют субстантивацию как исторический процесс эллипсиса существительного и словообразование субстантиваторов по модели, отмечая, что во втором случае мы имеем дело уже не с морфолого-синтаксическим, а с морфологическим словообразованием и что в этом случае уже нельзя говорить о субстантивации. «Самое понятие субстантивации, - по мнению В. М. Маркова, - предполагает исторический подход к материалу».

Такое противопоставление субстантивации и морфологического словообразования вряд ли оправданно с синхронической точки зрения и не может быть использовано при описании словообразовательной системы. Все существительные прилагательного склонения, мотивированные омонимичными прилагательными, представляют собой структурное единство и группируются в системе языка в определенные типы (модели) с

одинаковым отношением к мотивирующему прилагательному; словообразовательная функция флексий в них одинакова, независимо от того, каким путем они реально (исторически) возникли подчеркивание различия «постепенной» и «мгновенной» субстантивации уводит в сторону от описания словообразовательной системы, подменяет задачу такого описания задачей выяснения исторических путей образования слов (сама эта задача очень сложна и для некоторых слов вряд ли разрешима). Разграничение исторического пути возникновения слов и их синхронических словообразовательных связей должно последовательно осуществляться и применительно к субстантивации.

Специфика же субстантивации как особого способа словообразования несомненна и при синхронической точке зрения: для этого способа словообразования характерно то, что мотивированное (существительное) и мотивирующее (прилагательное), принадлежащие к разным частям речи и, Следовательно, различающиеся своими морфологическими категориями и синтаксическими функциями, вместе с тем формально совпадают (система форм первого целиком входит в систему форм второго), а словообразовательным средством являются функционально преобразующиеся флексии - специфически «синтаксические» морфемы. Кроме того, это единственный способ именного словообразования в современном русском языке, характеризующийся обязательной принадлежностью мотивированного и мотивирующего к разным частям речи (транспозицией). Это позволяет рассматривать субстантивацию и в синхроническом аспекте как морфолого-синтаксическое словообразование.

2.3. Переход прилагательных в существительные

В синхронической словообразовательной системе могут рассматриваться как субстантиваты только те существительные, которые характеризуются прилагательным склонением и структурно мотивированы омонимичными прилагательными.

Не имеют отношения к субстантивации с точки зрения живых словообразовательных связей, прежде всего, те существительные прилагательного склонения, для которых нет в системе языка омонимичных прилагательных или которые словообразовательно не соотносительны с такими прилагательными (ср. мостовая и прилаг. мостовой, пирожное и прилаг. пирожный, сущ. легкие и прилаг. легкий). Система флексий прилагательного не играет в этих существительных словообразовательной роли. Они могут рассматриваться как субстантиваты лишь в диахроническом, историческом аспекте. С синхронической же точки зрения они могут принадлежать к одной из двух групп:

1. Существительные первой группы вовсе лишены в современном языке словообразовательной мотивированности (с исторической точки зрения они представляют собой результат самых различных явлений и процессов; большинство их подверглось опросу, некоторые были заимствованы или калькированы сразу как существительные), например: – *tailor-дюзанда портной* и т. д. Ср. также некоторые фразеологически связанные слова: *попятный*, *подноготная* - *the whole truth* - *тамоман дуруст*.

2. Существительные второй группы сохраняют в современном языке мотивированность, но не омонимичными прилагательными, а другими соотносительными словами того же корня, например: *мостовая*- *roadway-кўпрук* (ср. *мостить*, *кладовая* - *larder* (ср. *класть*), *гостиная*- *living room*, (ср. *гость*) и др.

Большинство таких словообразовательных соотношений единичны, не типизированны. Однако есть некоторые (непродуктивные) суффиксальные

типы существительных, принадлежащих к прилагательному склонению: существительные на *-чий* (*ловчий, доезжащий*), на *-ничий* (*лесничий, городничий, постельничий*), на *-тый* (*вожатый, провожатый*).

Слова этой группы являются с синхронической точки зрения аффиксальными существительными. Ср. также сложные образования *чернорабочий unskilled-labourer*, *военнопленный-prisoner of war* и т. п., относящиеся к сложению существительных и также не имеющие омонимичных прилагательных.

Не могут рассматриваться как субстантивированные прилагательные также различные собственные имена прилагательного склонения, не имеющие омонимичных прилагательных. Ср. фамилии типа *Красницкий, Корчной, Калюжный*, название реки *Чусовая* и т. п.

Таким образом, морфологический тип существительных прилагательного склонения шире, чем словообразовательный разряд субстантивов. Морфологическая проблема существительных прилагательного склонения и словообразовательная проблема субстантивации должны строго разграничиваться (в частности, и в описательных грамматиках).

С другой стороны, не могут рассматриваться как субстантивированные прилагательные и такие существительные, которые исторически являются субстантивированными краткими (именными) прилагательными. В современном языке именное склонение прилагательными утрачено и является исключительно принадлежностью существительного. Поэтому существительные *добро good - хуб, зло harm - бад* и т. п. уже никак не связаны своими формами с классом прилагательных. Однако они сохраняют словообразовательную мотивированность прилагательными; с точки зрения системы современного языка подобные образования должны интерпретироваться как относящиеся к нулевой аффиксации.

В современном языке можно отметить два словообразовательных типа существительных с нулевым суффиксом, мотивированных прилагательными», восходящие исторически к субстантивации кратких прилагательных:

1. Тип существительных среднего рода со значением абстрактной субстанции, характеризующейся по признаку, обозначенному основой мотивирующего качественного прилагательного.

Для современного языка это непродуктивный тип; к нему относятся существительные *good-хуб*, *зло harm-бад*, а также *худо* (ср., например: «*быть худо*», «*нет худа без добра*»).

В художественной литературе нередко употребляются диалектизмы и окказионализмы, относящиеся к этому типу, например: *лихо*, *мокро*, *право*, *лево*, *далеко*, *темно*. Ср.:

Не знает, где право, где лево! (Гоголь, «Мертвые души»;

Русь! Русь вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу... (Там же, 11);

Я к вам приду в коммунистическое далеко... (Маяковский, «Во весь голос»);

В абсолютной белизне исчезли верх, низ, право и лево (В. Семин, «Сто двадцать километров до железной дороги»);

Главное — не пустить его пожар в долину..., где лесам век не убыть, если не это лихо (В. Чивилихин, «Елки-моталки»);

Холодные обложные дожди зарядили..., и не было конца этому мокро (В. Чивилихин, «Про Клаву Иванову»);

А мы, залегши по воронкам // Глядим на них из-за темна (И. Сельвинский);

Но трудились крестьянские руки на полях от зари до темна (Е. Евтушенко, Братская ГЭС);

Ср. также окказионализмы В.Маяковского («Облако в штанах»): *Трясущимся людям /в квартирное тихо /стоглазое зарево рвется с*

*пристани; Ах, зачем это, / откуда это/ в светлое весело / грязных кулачищ
замах!; Идите, голодненькие,/ потненькие, / покорненькие, / закишии в
блохастом грязненьке!*

2. Тип существительных мужского рода, мотивированных прилагательными на – *ский /-цкий* и являющихся названиями городов. Этот тип, также восходящий к глубокой древности, очень продуктивен и в наше время. В качестве мотивирующих используются прилагательные разной структуры: суффиксальные (*Бийск, Братск, Ангарск, Комсомольск, Каспийск, Волжск, Советск, Кировск, Донецк, Кузнецк, Галицк*) префиксально-суффиксальны – (*Приморск, Приаргунск, Зндонск*), сложно-суффиксальны (*Медногорск, Дивногорск, Оленегорск, Североморск, Северодвинск, Красноборск, Зеленодольск. Красноармейск*).

Таковы морфологические и словообразовательные типы, по отношению к которым проблема субстантивации может ставиться только в историческом плане.

Необходимо остановиться еще на нескольких вопросах теоретического характера, касающихся субстантивации как способа словообразования.

1. Основа соотносительного омонимичного прилагательного выступает как структурно мотивирующая для субстантиватов и только тогда, когда это прилагательное словообразовательно не мотивировано, но и в тех случаях, когда оно является в свою очередь мотивированным (ср. существительные типа *блинная, пирожковая, итурвальный, постовой* и т. п.).

Этому не противоречит тот факт, что семантически такие существительные мотивированы обычно не прилагательным, а той основой, которая выступает в нем в качестве мотивирующей. (Последнее особенно очевидно, когда подобные субстантиваты имеют синонимичные суффиксальные существительные, мотивированные теми же основами, что и соотносительные с этими субстантиватами прилагательные: ср., например *кофейная* и *кофейня*, *спальная* и *спальня*, *партийный* и *партиец*, *бо-родатый* и *бородач*, *горбатый* и *горбун*).

Здесь мы сталкиваемся с довольно распространенным в словообразовательной системе явлением, при котором семантически мотивирующая основа не совпадает с формально (структурно) мотивирующей. В данном случае механизм словообразования таков: при образовании существительного, семантически связанного с другим существительным или глаголом, используется в качестве мотивирующего и субстантивируется прилагательное, произведенное от этого существительного или глагола. Образование прилагательного и его субстантивация синхронически выступают как разные ступени словообразовательного процесса.

Это подтверждается тем, что структура основы в субстантивированных прилагательных обусловлена только словообразовательной системой имени прилагательного. Например, в структуре субстантиватов со значением помещения, названного по характерному для него предмету, лицу или действию, использованы относительные прилагательные с суфф. *-ов-* (*столовая, пончиковая, душевая*), *-н-* (*сосисочная, аппаратная, дизельная, проходная, сварочная*), *-ск-* (*учительская, диспетчерская, арестантская*), принадлежащие к продуктивным типам словообразования прилагательных.

Вообще, в субстантиватах используются разнообразные словообразовательные типы прилагательных - как суффиксальные (ср. еще *бородатый, горбатый, сумчатые, курительная, мягчительное*), так и относящиеся к другим способам словообразования: префиксально-суффиксальные (*придворный, безработный, беспартийный, подопечный, поднадзорный, подследственный*, ср. *принадлежащие к технической терминологии названия занятий — подкрановый, застольная*), различные типы сложных прилагательных (ср. *однорукий, чернокожий, глухонемой, чаеразвесочная, двудольные, жаропонижающее, болеутоляющее* и т. п.), сращения (*умалишенный, впередсмотрящий, праздношатающийся; вышесказанное*), со всеми присущими соответствующим типам

прилагательных формальными средствами (кроме аффиксов - также интерфиксы, ударение, чередования и т. д.).

При этом со структурно-словообразовательной точки зрения не существенно, что в некоторых случаях соответствующие субстантивам прилагательные менее употребительны, чем сами субстантиваты. Не противоречит нашему утверждению о субстантивированном характере подобных существительных и отсутствие некоторых из таких прилагательных в словарях, если эти прилагательные относятся к продуктивным словообразовательным типам и, следовательно, возможность их образования по модели обусловлена самой словообразовательной системой прилагательного (такие прилагательные являются «потенциальными» единицами языка).

Так, возможное образование прилагательных по моделям сложений реализуются в омонимичных прилагательным субстантиватах: ср. термины естествознания *парнокопытные artiodactyles*, *членистоногие arthropoda* и т. п.

Противоположная точка зрения, согласно которой суффиксы прилагательных, используемые в субстантиватах, принадлежат уже словообразовательной системе существительных, привела бы к чрезмерному расширению этой системы за счет словообразовательных средств и типов (не только суффиксальных), представляющих собой специфику словообразования прилагательных. В структуре подобных образований релевантной для словообразования существительных является только их субстантивированность (система флексий прилагательного с особой словообразовательной функцией).

При определенных условиях, однако, некоторые суффиксальные типы прилагательных, часто использующиеся в субстантиватах и специализирующиеся на каком-либо словообразовательном значении, могут и структурно обособляться от системы словообразования прилагательных, приобретая качества самостоятельного суффиксального типа

существительных. Тенденцию к такому обособлению проявляет в современном русском языке в сфере технической терминологии суфф. *-ов-* с ударной флексией, употребляющийся в образованиях со значением лица, профессионально связанного с предметом или явлением, названным мотивирующей основой существительного. Для ряда существительных на *-овой* в словообразовательной системе отсутствуют аналогичные по структуре прилагательные (ср., например, существительные *дверовой* и *Зверевой*, *lamp cabin-чарогин* *ламповой*, при соответствующих прилагательных *ламповый* *lamp-чароги*). Основное структурное отличие существительных на *-овой* от прилагательных - это очевидное господство в существительных ударения на флексии, в то время как для прилагательных с суфф. *-ов-* характерно разнообразие акцентологических типов. Показательно, что в тех случаях, когда прилагательное допускает двоякое ударение - на суффиксе и на флексии (ср., например, *копровой* и *копровой*, *котловой* и *котловый*, *ковшевой* и *ковшовый*), соответствующее существительное употребляется только с ударением на флексии.

1. Вместе с тем надо иметь в виду, что полного обособления типа существительных на *-овой* от субстантивированных прилагательных с суфф. *-ов-* в русском языке нет, между ними нельзя провести четкой границы. Существенно, что для большинства существительных на *-овой* омонимичные прилагательные употребительны. Надо учитывать также большую продуктивность относительных прилагательных с суфф. *-ов-* в современном языке, в особенности в сфере профессиональной терминологии, и широкую распространенность ударения на флексии в них. Кроме того, те слова на *-овой*, которые обычно являются существительными, могут употребляться и в качестве определения к словам *мастер- foreman - мастер*, *рабочий - workman - коргар* и т. п. Ср., например, названия занятий на производстве: *ламповой рабочий*, *крановой машинист* и т. д. В этих сочетаниях слова на *-овой* употребляются как прилагательные; появление подобных сочетаний свидетельствует об обратном влиянии типа

существительных на *-овой* на систему отыменных прилагательных, способствующем расширению круга прилагательных с суфф. *-ов-* и ударением на флексии.

2. Субстантиваты могут быть как общеупотребительными, социально закрепленными, так и окказиональными, однажды употребленными в определенном контексте. На этом основано принятое во многих работах различие «узуальной» и «окказиональной» (или «контекстуальной») субстантивации как разных степеней этого явления (в окказионализмах усматривается лишь слабая степень субстантивации). Думается, однако, что в обоих случаях в равной степени можно говорить об образовании нового слова - субстантивата, омонимичного прилагательному; различие же заключается только в отнесенности фактов узуальной субстантивации к языку, а фактов окказиональной субстантивации — к речи. При субстантивации, как и при других способах словообразования, окказионализмы, принадлежащие к продуктивным словообразовательным типам, представляют собой реализацию возможностей, заложенных в системе.

Исключительная легкость и свобода образования окказиональных субстантиватов объясняется характерным для этого способа словообразования отсутствием, каких бы то ни было структурных ограничений и дополнительных формальных (морфонологических) средств, которые обычно накладывают свой отпечаток на возможности суффиксального словообразования.

3. Иногда исследователи исключают из числа существительных некоторые типы субстантиватов с обобщенным значением носителя признака: например, субстантиваты с общим значением лица — носителя качества (*больной, diseased-бемор*) и со значением абстрактного понятия — носителя признака (*новое, старое, прогрессивное*). Такие слова признаются не вполне субстантивированными в силу их большой абстрактности, «признаковости» значения.

С этим нельзя согласиться, поскольку все подобные образования имеют словообразовательное значение носителя признака, совершенно отличное от значения самого признака, выраженного мотивирующим прилагательным, и, следовательно, образование нового слова - и в синтаксическом, и в морфологическом, и в семантическом плане - здесь налицо.

Для словообразования существенно именно такое общее, типизированное словообразовательное значение, а не индивидуальные лексические видоизменения, конкретизации, «наслаивающиеся» на это общее значение в отдельных словах (например, *рыжий- red-haired-зардак* «клоун», которые не верно принимаются иногда за признак субстантивированное слова.

В соответствии с предложенным здесь пониманием специфики субстантивации как особого способа словообразования, в качестве словообразовательных типов субстантивированных прилагательных могут выступать только такие семантические группы субстантиватов, которые связаны с определенным формальным соотношением мотивированного и мотивирующего - в данном случае с определенным правилом выбора парадигмы мотивированного. Общее значение субстантиватов в каждой из таких групп и будет общим словообразовательным значением типа (это значение может быть более или менее, лексически конкретным, что вообще свойственно словообразованию существительных).

Характерной чертой субстантивации является также частая омонимия словообразовательных средств, что объясняется очень небогатым набором самих этих средств (возможно закрепление за типом одной из трех родовых парадигм прилагательного или парадигмы множественного числа).

Различия в семантической мотивированности относящихся к одному типу субстантиватов, связанные с семантико-словообразовательными свойствами мотивирующих прилагательных, могут быть основой для выделения разнообразных подтипов в рамках типов.

Эти исходные положения дают возможность выделить среди субстантивированных прилагательных современного русского языка словообразовательные типы, рассматриваемые ниже.

1. Тип субстантиватов, имеющих парадигму прилагательных мужского рода, со значением лица. К этому очень продуктивному типу относится основная масса субстантиватов мужского рода. Как и вообще существительные мужского рода со значением лица, слова этого типа обычно являются обобщенным обозначением лица независимо от пола и лишь при оппозиции соответствующим личным существительным женского рода получают значение лица мужского пола. С лексической точки зрения образования данного типа могут быть как названиями профессиональных занятий, так и «непрофессиональными» названиями. В зависимости от характера семантической мотивированности среди них могут быть выделены такие подтипы:

а) названия лица по характерному для него признаку (в основе - качественное прилагательное, словообразовательно немотивированное или мотивированное), например: *больной, diseased-бемор*, (как политические термины), а также *каждый, всякий, свой, наш (чаще - наши)* и т. п.

Ср. подобные образования (с обобщенным значением лица) в крылатых выражениях - пословицах, афоризмах: *«Сытый голодного не разумеет»*, *«Пьяному море по колено»*, *«Смелого пуля боится, смелого штык не берет»* и т. д. Образований этого подтипа особенно много среди окказионализмов; часто они выступают в форме множественного числа, например: *В поле зрения — тихие* (Коме, пр., 25.XII 1963);

Работа в макаренковских отрядах, воспитание «трудных» вызвали желание глубже изучить вопросы подагры (Веч. Москва, 13.III 1964);

Верно, кабель... брошен нерадивыми прямо на пути (Правда, 6.XII 1963);

«Об отзывчивых и равнодушных» (Известия, 3.XII 1965, загл.).

б) названия лица по предмету, явлению, к которому оно имеет отношение (в основе - относительное прилагательное, мотивированное существительным): *рулевой, часовой- watch- coam, центральной- central - марказй, военный* и т. п.

Ср.: *Поселковые уже застоговали... сено* (В. Чивилихин, «Про Клаву Иванову»);

Останешься тут за костерного, ясно? (В. Чивилихин, «Елки-моталки»);

Я вовсе не требовал от своих типографских, чтобы они вставали, когда я входил (Н. Чуковский, *Девочка Жизнь*);

Здесь много наших институтских (Из устной речи).

в) названия лица по характерному действию, субъектом или объектом которого это лицо является (в основе — относительное прилагательное, мотивированное глаголом или отглагольным существительным со значением действия): *встречный -coming from the opposite - рӯ ба рӯ меомада* и т. п.

Среди указанных трех подтипов особенно продуктивны первый и второй; продуктивность третьего подтипа невелика по сравнению с синонимичными подтипами названий лица, являющихся субстантивированными причастиями (см. ниже).

Те же словообразовательные отношения часто выражаются посредством суффиксации; ср. многочисленные словообразовательные синонимы: *слепой blind- кӯр— слепец знакомый- familiar-шинос —знакомец*, и т. д.

Ср. также: *краснопере-копцы и краснопереконские «рабочие фабрики» «Красный Перекоп»* (Комсомольцы устраивали походы на лодках... — *Краснопере-копские плывут!-слышалось на берегах.* - Правда, 19.1 1964).

Характерны с этой точки зрения и многочисленные варианты названий занятий на производстве: *вальцевой (вальцовой) и вальцовщик; крыловой и крыловщик (текстильщики), белой и беловщик (переплетчики), кольцевой и кольцевик (почтальоны), рассевной и рассевщик (мукомолы), подвальный и*

подвальщик (пивного склада), номерной и номерщик (банички), застольная и застольница (кондитеры) и т. д. («Систематический словарь занятий»).

Словообразовательная синонимия суффиксации и субстантивации в названиях лица подтверждается также фактами совместного употребления субстантиватов и суффиксальных существительных в качестве однородных членов в предложениях типа: *Это интересовало всех — молодых и старых, здоровяков и больных, умных и глупцов* (Из радиопередачи).

Особое место в словообразовательной системе занимают очень продуктивные существительные прилагательного склонения женского рода со значением лица женского пола, соотносительные с субстантиватами мужского рода рассмотренного типа, например, несчастная- *unfortunate-badbaht*. Структурных ограничений для образования подобных существительных женского рода нет; ср., например: *Встречающий, как правило, знает номер вагона, в котором едет его долгожданный (-анная)* (Веч. Москва, 5.VIII 1965);

Королева считается главнокомандующей вооруженными силами (П. Солнцев, Государственный строй Нидерландов).

Существительные этого типа выполняют ту же словообразовательную функцию, что и суффиксальные образования со значением лица женского пола, мотивированные личными существительными мужского рода; ср.: *учитель- teacher-муаллим - учительница*.

Деление всей системы языка, для которой характерны, с одной стороны, лексико-грамматическая категория рода имени существительного, а с другой - словообразовательная, а не морфологическое, выражение принадлежности лица к определенному полу, заставляет рассматривать существительные типа *больная diseased-бемор*, *рабочая* как самостоятельные лексемы по отношению к существительным мужского рода *больной, рабочий* и т. п. Эта точка зрения, разделяемая большинством исследователей, представляется более убедительной, чем попытки рассматривать соотношения типа *больной diseased-бемор - больная* как родоизменяемые

существительные, имеющие формы мужского и женского рода. Надо, однако, иметь в виду, что в таких словообразовательных фактах мы наблюдаем «максимальный сдвиг в сторону грамматичное, откуда и абсолютная регулярность подобных соотношений.

В системе именного словообразования существительные типа *больная*, *рабочая* уже не могут интерпретироваться как субстантиваты, поскольку они непосредственно мотивированы существительными типа *больной diseased-бемор*, *рабочий*, а не соответствующими прилагательными, с которыми они связаны лишь опосредствованно, через промежуточное звено - субстантивированное прилагательное мужского рода со значением лица.

Последнее находит подтверждение и в том, что в соотношениях типа *больной diseased-бемор* - *больная* наблюдается общая семантическая закономерность: существительные типа *больной diseased-бемор*, как и вообще личные существительные мужского рода, имеют обычно обобщенное значение лица независимо от пола, в то время как в соотносительных существительных женского рода маркирован признак лица определенного (женского) пола; это и заставляет признать их синхронически вторичными, содержащими дополнительное значение пола.

Отсюда следует, что существительные женского рода типа *больная diseased-бемор* я, *рабочая* должны интерпретироваться как образования с нулевым суффиксом.

Словообразовательное соотношение *больной diseased-бемор* — *больная*, *рабочий* - *рабочая* - со структурной точки зрения то же, что и соотношение слов *супруг* - *супруга*, *раб* - *раба*, *Валентин* - *Валентина*, *Иванов* - *Иванова* и т. п.; разница состоит только в системе флексий: существительные женского рода, мотивированные существительными мужского рода прилагательного склонения, принимают систему флексий женского рода также прилагательного склонения.

Надо отметить также, что тип существительных *больная diseased-бемор*, *рабочая* и т. п. не ограничивается образованиями, которые мотивированы субстантивами мужского рода.

К нему относятся и образования, мотивированные личными существительными мужского рода прилагательного склонения, не имеющими мотивирующих омонимичных прилагательных; ср., например:, *лесничий-forestry-officer -аскари чангалӣ - лесничая*, а также фамилии типа *Ивановский - Ивановская, Красницкий - Красницкая, Ланской — Ланская* и т. п.

1. Подобные соотношения наблюдаются и в суффиксальных типах существительных того же словообразовательного значения. Можно, например, провести параллель между рассматриваемым типом (*больной diseased-бемор — больная*) и типом существительных женского рода с суфф. *-к(а)*, мотивированных личными существительными мужского рода на *-ец* (*комсомолец — комсомолка*).

Последние также могут мотивироваться не только существительными мужского рода, в свою очередь словообразовательно мотивированными (ср., «Спартак» - *спартаковец - спартаковна*), но и немотивированными (ср. *туняедец - туняедка, немец - немка, ненец - ненка*). Подобно тому, как образования с суфф. *-к(а)* типа *комсомолка* словообразовательно мотивируются существительными мужского рода на *-ец* независимо от того, выполняет этот элемент *-ец* словообразовательную функцию, т. е. является ли он суффиксом (*комсомолец — комсомолка*) или нет (*немец -- немка*), так и образования с нулевым суффиксом типа *больная diseased-бемор* мотивируются личными существительными мужского рода прилагательного склонения независимо от того, выполняет система флексий в этих существительных мужского рода словообразовательную функцию (*больной diseased-бемор — больная*)

2. Тип субстантивов мужского рода, являющихся названиями животных. Этот тип гораздо менее употребителен (в смысле частоты

реализаций модели) и продуктивен лишь в сфере собственных имен — кличек домашних животных: например, *Серый, Вороной, Буланный, Гнедой, Верный, Смелый, Белолобый*.

Сюда же примыкает несколько нарицательных экспрессивно-табуистических названий диких животных (*косой «заяц», косопаный «медведь», серый «волк»* и т. п.).

3. Тип субстантиватов женского рода с общим значением помещения, названного по его назначению. Субстантиваты, относящиеся к этому очень продуктивному типу, структурно мотивированы суффиксальными относительными прилагательными (исключения: *темная dark - торик* — названия помещений для арестованных), а семантически — мотивирующей основой этих прилагательных (глагольной или субстантивной).

В соответствии с их семантической мотивированностью субстантиваты данного типа могут быть разделены на три подтипа:

а) названия помещения по совершаемому в нем действию (в основе - прилагательное, мотивированное отглагольным существительным со значением действия или глаголом): *дежурная -on duty-навбатдор* и т. п.; ср. также: *На пляжах ... можно рекомендовать, например, летние так называемые буфеты - «догоотовочные»* (Веч. Москва, 17.VI 1964).

б) названия помещения по лицу, для которого оно предназначено (в основе — прилагательное, мотивированное существительным со значением лица): *парикмахерская hairdressing salon*, и т. п.; ср. также: *За стеной помещалась «пилотская», где постоянно ночевали и отдыхали летчики* (К. Ваншенкин, *Большие пожары*).

в) названия помещения по характерному для него предмету, находящемуся или производимому в нем (в основе - суффиксальное прилагательное, мотивированное предметным существительным), *ламповая - lamp cabin-чарогин*.

Значительное место среди слов этого подтипа занимает очень продуктивная и многочисленная лексическая группа названий

разновидностей торговых заведений и предприятий общественного питания: *рыбная- fish-моҳӣ*.

Некоторые из подобных существительных имеют словообразовательные синонимы среди существительных с суфф. *-ня, -льня, -лка* и др.; ср. *кофейная — кофейня, слесарная — слесарня, красильная — красильня, моленная — молельня, караульная — ка-раульня — караулка, курительная — курилка, дежурная — дежурка* и т.д.; при этом словообразовательные варианты с суфф. *-лк (а)* и *-к (а)* носят стилистически сниженный, разговорный характер.

Данный тип субстантиватов - наиболее продуктивный и стилистически нейтральный словообразовательный тип существительных со значением помещения.

То же словообразовательное значение выражается нулевой суффиксацией в словах *треть* и *четверть*.

6. Тип субстантиватов среднего рода со значением обобщенной субстанции, характеризующейся наличием признака, обозначенного основой мотивирующего прилагательного: *новое novelty - нав, ср. также первое, второе..., последнее* (при перечислении) т. д.

Образование субстантиватов этого типа структурно и семантически неограниченно: подобное существительное среднего рода с обобщенным значением может быть образовано практически от любого прилагательного. Очень широко используются окказиональные образования этого типа, например:

Мы подплывали все ближе..., и золотого становилось больше и больше, оно простиралось в глубь леса (Ю. Нагибин, «Когда утки в поре»);

Если читатель примет их за всамделишные стихи..., то может подумать о поэте нехорошее (Моск. коме., 17. II 1965);

Интимное - intimate, тончайшие нюансы личности, переплетается с социальным, нервно-физиологическое — с нравственным (Лит. газ., 1. X 1964).

Субстантиваты этого типа, имеющие в основе аффиксальное относительное прилагательное, семантически мотивируются как «то, что содержит характерные признаки лица или предмета, выраженного в корне прилагательного», например:

Зверски бить человека... не укладывается в рамки разумного, человеече-ского (Изв., 28. XII 1965);

Есть в ней [балерине Н. Касаткиной] свое, касаткинское (Моск. коме., 24. IX 1965);

Всем им сильно помогло, я думаю, деповское (В. Чивилихин, Про Клаву Иванову).

Исключительная продуктивность данного типа субстантиватов объясняется, в частности, тем, что он не имеет синонимичных продуктивных типов среди других способов словообразова-ния существительных (в системе словообразования ему синонимичен только непродуктивный тип существительных с нулевым суффиксом - добро, зло и т. п., см. выше).

Некоторые лексические ряды, отделяемые иногда от данного типа (например, существительные, обозначающие отвлеченные понятия со значением времени: *будущее, настоящее, былое, прошлое и т. п.*; со значением цвета: *красное, черное, желтое* и т. п.), на самом деле относятся к этому типу, поскольку специфическая семантика их целиком обусловлена значением мотивирующих прилагательных (в отличие, например, от следующего типа).

7. Продуктивный тип субстантиватов среднего рода с общим значением вида одежды: *черное, серое, красное, штатское, военное* и т. п.

Ср.: *Он снял чапан, лапти, посконную рубаху и оделся, как принято было в деревне, в фабричное* (Ф. Гладков, Повесть о детстве);

- *Образумься!... Простудишься!* - *встречала его на крыльце закутанная в теплое до самых глаз Наумовна* (Ф. Малов, В краю Берендеевом);

Возле товарных пакгаузов он увидел сидящих... женщин, одетых по-разному, кто в чем - кто в зимнем, кто в летнем (Д. Нагишкин, Созвездие Стрельца);

Но перехитрил и его. Переоделся в фашистское, валялось поблизости, ... и иду к тем двоим, будто бы я не я ... Потом выбрался я из этого рва, переоделся опять в наше, советское, захватил флаги и быстрее, чем с горы на лыжах, побежал! (Лит. газ., 1. I 1964);

Дескать, ...и теперь там все, как у нас... и девушки с зелеными веками, и кофты — чистый импорт, ... и носят сверхузокое, тянутся, словом, за границей, за США (В. Кочетов, Скверное ремесло. - Октябрь, 1966, № 3).

8. Продуктивный тип субстантиватов среднего рода, обозначающих блюда, кушанья, лекарства и мотивированных прилагательными разнообразной структуры: *жидкое liquid; fluid-моеъ*, и т. д.

Ср.: *Считалось, что во время кумыса нельзя есть мучное и овощи (В. Шкловский, Лев Толстой);*

Равные грудки каши по тарелкам. Кубики масла. Полстакана компота. Добавочное можешь взять из каптерки (В.Панов, По Су-хоне и Двине).

9. Продуктивный тип субстантиватов среднего рода, чаще употребляющихся в форме множественного числа, со значением различных единиц классификации (разрядов, семейств и т. д.) растительного и животного мира. Мотивирующие прилагательные принадлежат к различным типам аффиксации, сложения и сращения: ср. *Бесхвостые- escaudata*, и т. д. Большая часть субстантиватов этого типа - термины естествознания; но ср.: *двуногие (шутл., о людях), пернатые («птицы»), перелетные (В какой газете прочтешь про битвы лесных великанов — лосей, про великое переселение перелетных...1 — В. Бианки, Лесная газета).*

10. Среди собственных имен в особый продуктивный тип обособляются субстантиваты среднего рода, являющиеся названиями населенных пунктов негородского типа; ср.: *Новое, Глубокое. Отрадное, Привольное, Изобильное, Лебяжье, Дачное, Ягодное, Рыбное, Пионерское,*

Планерское и т. п. Новые многочисленные топонимы этого типа вовсе не являются приложением к слову село или к какому-либо другому нарицательному существительному среднего рода, что и составляет их специфику в отличие от других топонимов - субстантивированных прилагательных (см. ниже).

11. Продуктивный тип субстантиватов *pluralia tantum*, обозначающих виды денег и платежей. Семантическая мотивация их находит выражение в структуре мотивирующего прилагательного; ср.: *транспортные* - *transport* и т. д.; ср. также: *Бухгалтерия, не пикнув, начислила проездные, суточные, квартирные* (Крокодил, 1964, № 2); *У меня много [денег], понимаешь? Получка, суточные, гостиничные, целый карман* (В. Драгунский, *Сегодня и ежедневно*);

И все же все они, в общем, моряне, хотя бы даже потому, что плюс к зарплате получают так называемые шорские» (Огонек, 1964, № 49);

Он с ними заодно, паевые получал (Из устной речи).

12. Всем рассмотренным типам субстантиватов, структурно организуемым принадлежностью к определенной парадигме, единой для каждого типа, противопоставлен еще один - двенадцатый тип, строящийся на принципиально ином правиле выбора парадигмы. Правило это таково: субстантивату, являющемуся синонимом конкретного определительного словосочетания, присваивается родовая парадигма прилагательного, соответствующая тому роду, к которому принадлежит эллиптируемое в словосочетании существительное. Данный тип может быть назван типом «эллиптической субстантивации». Характерной чертой субстантиватов, относящихся ко всем рассмотренным выше типам, является возможность их прямого и непосредственного образования от основы мотивирующего прилагательного, без «оглядки» на какое-либо подразумеваемое определяемое существительное.

Для некоторых из этих типов подставить к субстантивату такое определяемое существительное вообще невозможно (типы 6, 7, 10); для

других подобная подстановка возможна (хотя и далеко не при всех относящихся к ним образованиях): например, к словам типа 1 иногда можно подставить существительные *человек*, а также *мастер*, *рабочий* и т. п.; к некоторым образованиям типа 3 - существительные *комната*, *мастерская*; типа 4 — *квитанция*, *ведомость*; типа 5 — *часть*, *доля*; типа 8 — *кушанье*, *блюдо*, *лекарство*, *средство*, типа 9 — животные, растения; к словам типа и - слово *деньги*, - но все они употребительны и общепонятны вне такого определяемого существительного.

При эллиптической же субстантивации каждому субстантивату обязательно сопутствует определенное синонимичное словосочетание. Обычно, такие субстантиваты, являются разговорными вариантами соответствующих словосочетаний, носящих более официальный, общепринятый, стилистически нейтральный характер. Субстантиваты этого типа употребляются чаще всего только в определенных узких специальных сферах общения.

Возможности образования эллиптических субстантиватов практически безграничны. Приведем примеры, указывая в каждом случае в скобках эллиптированное и подразумеваемое существительное: *почтовый* - *postal* ..., *товарный* - *goods*, и т. д.

Ср. также: *Один [самолет] свалился в лес... Второй — с корреспондентами - сел на вынужденную* (К. Симонов, Жена приехала);

Звонили из Богоявленской, просили подтвердить, какие попутные он получил, какие еще нет. Попутные — сопроводительные зашифрованные указания от предыдущей комендатуры (А. Солженицын, Случай на станции Кречетовка);

Ему легко найти работу: не хватит своей, с радостью подбросят из механического, комплектовочного (Ю. Толчинский, Дороже всего);

Сейчас здесь, на стартовой, решается задача со многими неизвестными (Я. Голованов, Кузнецы грома);

Мелодия, сопровождающая вольные Дружинины, называется «Воробей» (Сов. спорт, 27. X 1965);

Планета сгорела - обрат лась в сверхновую (Из устной речи астронома).

Употребленные в этих примерах субстантиваты играют роль заменителей синонимичных словосочетаний: вынужденная посадка, попутные указания, механический (комплекточный) цех, стартовая площадка, вольные упражнения, сверхновая звезда.

Особую разновидность эллиптической субстантивации представляют собой собственные имена - названия географических объектов, станций, улиц, сортов растений и др. Такие субстантиваты приобретают парадигму склонения в соответствии с грамматическим родом апеллятива, причем они синонимичны словосочетаниям, в которых субстантивируемое прилагательное может выступать как в функции определения к апеллятиву, так и приложения к нему: ср., с одной стороны - *Пушкинская, Песчаная, Садовая (улица), Октябрьская, Советская (площадь), Кривоколенный, Афанасьевский (переулок), Невский, Университетский (проспект), Кузнецкий (мост), Курский, Павелецкий (вокзал). Большой, Художественный (театр), Рыбинское, Карповское (водохранилище); с другой стороны — Лермонтовская, Комсомольская, Спортивная (станция), Вешенская, Кавказская (станция), Мирный, Полярный (поселок), «Внуковский», «Ленинский» (совхоз), «Центральная», «Северная» (гостиница), «Молодежное», «Хрустальное» (кафе), «безостая», «худяковская» (пшеница), «зубовидная» (кукуруза), «корнеевские», «сладкие» (огурцы), «.осо́бая)), «столичная» (водка), «Решительный», «Безупречный», «Храбрый» (миноносец) и т. п.*

По своему словообразовательному значению тип эллиптической субстантивации ближе всего к типу существительных с суфф. -к(а) и мотивирующей основой прилагательного, в большинстве случаев также эквивалентных определенным словосочетаниям.

В подобных случаях суффиксальные существительные имеют более, стилистически сниженный экспрессивный характер по сравнению с синонимичными субстантивированными прилагательными. Ср. также *передовая статья*- *leading article* –*маърузаи беҳтарин* — *передовая* — *передовица*.

Таким образом, субстантивация является одним из средств «семантической конденсации» словосочетания, наряду с суффиксацией.

Если какая-либо группа субстантиватов, объединяемая общностью эллиптируемого существительного в синонимичных им словосочетаниях, начинает употребляться преимущественно без этого существительного, которое отступает на задний план и не всегда четко осознается, то такая группа может выделиться в особый тип с выбором парадигмы, не зависящим от рода эллиптируемого существительного. Так, в современном языке тяготеют к подобному обособлению и к выделению в самостоятельные типы группы субстантиватов со значением «период сельскохозяйственных работ» (*уборочная* – *harvest* - *ҳосилгундорӣ*; с первоначально подразумевавшимся словом *кампания*) и со значением «вид сельскохозяйственных растений» (*озимые* -*winter crops*-*зимистона* и т. п. с первоначально подразумевавшимся культуры).

Вне словообразовательных типов субстантивированных прилагательных остаются отдельные, лексически обособленные субстантиваты, например: *ночное*, *целое* («единство»), *данные* («сведения»), *данные* («способности»), *родословная*, *парадное*, а также некоторые фразеологически связанные образования (ср.: «явиться с повинной», «всыпать горячих», «пуститься во все тяжкие», «дойти до последнего» и др.)

Субстантивация причастий требует отдельного рассмотрения, поскольку в этом случае, в отличие от субстантивации прилагательных, выступает другая мотивирующая основа — основа причастия (в остальном же эти явления сходны). Независимо от решения спорного вопроса о

грамматическом статусе причастий (как глагольных форм или как самостоятельной части речи), несомненно, что причастие — это особая «гибридная глагольно-прилагательная» категория, обладающая грамматическими значениями глагола (видовый, временными, залогами). Эти значения обычно передаются и в субстантивированных причастиях, чем объясняется одинаковая возможность субстантивации всех разрядов причастий, различающихся по времени и залогам. Необходимо подчеркнуть, что причастия могут субстантивироваться без стадии предварительной адъективации и независимо от их способности к адъективации. Такие субстантиваты сохраняют грамматические значения глагола и широко используемую способность глагольного управления; семантически они мотивированы глаголом, т. е. называют предмет по его отношению к действию. Ср., например: *И мы вместе с автором репортажа, перевоплотившимся в старшину милиции, понимаем, что наказывающий-punish-чазо додан переживает не меньше наказываемого* (Лит. газ., 27. VII 1965); сущ. *усыновляемый* и *усыновленный* – писархонд- *adopt* (юридические термины); сущ. *умирающий dying* и *умерший - dead* – мурда и т. д. Сохранение грамматических значений глагола делает субстантивированные причастия специфической гибридной глагольно-существительной категорией с прилагательной парадигмой склонения; это определяет и их словообразовательное своеобразие.

Субстантивированные причастия образуют два продуктивных словообразовательных типа существительных, по общему значению мотивированного совпадающие с типами 1 и 6 субстантивированных прилагательных.

1. Тип субстантиватов мужского рода со значением лица, характеризующегося отношением к действию. В зависимости от разряда субстантивированного причастия конкретизируется и общее словообразовательное значение отношения лица к действию; с этой точки зрения выделяются такие подтипы:

а) Названия лица по действию, производимому им в настоящем или постоянно (в основе - действительное причастие настоящего времени): *заведующий* - *manager-мудир*, (*почту*), и т. д.; ср. также:

Сделано все возможное для удобства и прибывающих, и встречающих (Веч. Москва, 5. VIII 1965);

И в этом «разрешиите» докладывающего... было достоинство военно-го человека (Г. Бакланов, Июль 1941 года);

Пишущий оперу не только слышит, но и видит свой образ (Сов. культ., 17. XII 1963);

Примерный комплекс лечебной гимнастики выздоравливающего (Здоровье, 1966, № 1).

б) Названия лица по его действию в прошлом (в основе — действительное причастие прошедшего времени):

пострадавший, покушавшийся, провинившийся, бежавший; ср.: — *Товарищи! - сказал, глядя поверх голов, читавший...* (О. Форш, Горячий цех);

Вошедшие, не забудьте взять билет (Из устной речи); *Сегодня очень много опоздавших* (Из устной речи).

В субстантиватах этого подтипа ясно выражено также видовое значение.

в) Названия лица, подвергающегося какому-либо действию (в основе - страдательное причастие настоящего времени): обвиняемый, подозреваемый, укрываемый, преследуемый, эксплуатируемый и т. д.; ср.:

В его портретах... портретируемый пред-стает одновременно во многих ракурсах (Сов. культ., 31. VIII 1963).

г) Названия лица, подвергшегося какому-либо действию (в основе — страдательное причастие прошедшего времени): арестованный *arrest- ҳабс*, и т. п.

Некоторые из указанных значений могут выражаться также суффиксальными существительными. Так, субстантивированные причастия первого подтипа в словообразовательном отношении синонимичны

существительным со значением производителя действия (с суфф. *-тель, -щик* и др.).

Субстантивированные же причастия прошедшего времени страдательного залога почти не имеют словообразовательных параллелей среди суффиксальных существительных, за исключением малопродуктивного типа существительных с суфф. *-енец* (ср. *выселенный* — *выселенец, окруженный* — *окруженец*).

Поэтому значение лица, подвергаемого какому-либо действию и противопоставляемого лицу — производителю действия, обычно выражается субстантивированными страдательными причастиями: ср., например, *преследователь* и *преследуемый, эксплуататоры* и *эксплуатируемые, спаситель* и *спасенный* (сущ).

Субстантивированные причастия, таким образом, дают широкую возможность образования существительных со значением лица, имеющего отношение к какому-либо действию, со строгой дифференциацией характера этого отношения (субъект или объект действия - прошлого или настоящего), и тем самым дополняют систему суффиксальных существительных, которые не содержат такой возможности. В этом основная причина большой продуктивности субстантивированных причастий.

Существительные женского рода прилагательного склонения со значением лица, имеющие основу причастия и мотивированные субстантивами мужского рода, относящимися к рассмотренному типу (*заведующая-manager-мудир*, и т. д.), принадлежат к тому же типу нулевой аффиксации, что и существительные *больная, рабочая* и т. п.

2. Тип субстантиватов среднего рода со значением обобщенной субстанции, характеризующейся отношением к действию, обозначенному основой мотивирующего причастия. В зависимости от разряда причастия характер этого отношения модифицируется так же, как и в предыдущем типе.

Ср.: *происходящее, предстоящее, уходящее, отживающее, растущее, нарождающееся; происшедшее, случившееся, отжившее, минувшее-*

ожидаемое, обсуждаемое -, сказанное, услышанное, заданное, пройденное, ср. также: Он берет карандаш и делает выписки из высмотренного (Л. Лиходеев, Клешня. - Юность, 1964, № 1).

Сюда же относятся научные термины *слагаемое, вычитаемое, уменьшаемое, делимое, подчиненное, производящее, мотивирующее* и т. п. Слова этого типа, мотивированные действительными причастиями настоящего времени, имеют значение обобщенного действующего. Интересно отметить, что подобное значение может выражаться также существительными с суффиксами *-тель, -тор* и др.; это видно в контекстах типа «в качестве ускорителя (замедлителя, регулятора, стимулятора и т. п.) процесса может быть использовано...» (с дальнейшей конкретизацией). Ср. также параллелизм суффиксальных существительных и субстантивированных причастий в соотносительных математических терминах *множимое и множитель, делимое и делитель*.

Вне указанных двух типов могут субстантивироваться только отдельные причастия с адъективным значением постоянно производящегося действия, понимаемого как свойство. Такие субстантиваты относятся по своему словообразовательному значению к определенным типам субстантивированных прилагательных, например: *входящая, исходящая* - к типу 4, *успокаивающее, возбуждающее* — к типу 8, *пресмыкающиеся* - к типу 9, *секущая (линия), «Стерегающий»* (название миноносца) - к типу эллиптической субстантивации. Отнесенность таких причастий к типам субстантивированных прилагательных потому и возможна, что эти причастия, имея адъективное значение, лишены специфических глагольных значений. Между тем именно эти глагольные значения (временные, залоговые) составляют своеобразие субстантивированных причастий как особой грамматической и словообразовательной категории, а сохранение этих значений возможно лишь в рамках двух рассмотренных словообразовательных типов субстантивированных причастий.

Заканчивая рассмотрение типов субстантивированных прилагательных и причастий, необходимо еще раз подчеркнуть, что субстантивация понимается нами с синхронической точки зрения как мотивация существительных прилагательного склонения омонимичными прилагательными или причастиями, независимо от истории возникновения этих существительных. Такой взгляд на субстантивацию позволяет признать ее в словообразовательной системе единым способом именного словообразования, функционально тождественным суффиксации (ступень субстантивации)

При описании конкретных типов субстантивированных прилагательных и причастий была показана их синонимичность некоторым конкретным типам суффиксации существительных. Выражаемые субстантиватами значения предмета, названного по его характерному признаку, по его отношению к другому предмету или действию, выражаются в словообразовательной системе существительного также (и преимущественно) суффиксацией (разумеется, это не исключает многих черт своеобразия разных типов субстантиватов, которые здесь также рассматривались).

Взаимодействие этих способов словообразования заключается не только в том, что большая словообразовательная активность и продуктивность суффиксальных существительных ограничивает возможности субстантивации, но и в сокращении продуктивности некоторых звеньев суффиксальной системы за счет развития синонимичных типов субстантиватов; ср., напр., слабую в целом продуктивность суффиксальных существительных со значением места или суффиксальных существительных со значением лица, мотивированных качественными прилагательными.

Многообразные проявления функционального единства субстантивации и суффиксации не ограничиваются теми фактами, которые отражены в системе современного русского литературного языка и на которые здесь обращалось внимание. Подобные факты могли бы быть

прослежены и в сопоставительно-типологическом плане с привлечением исторических и диалектных данных, а также данных других славянских языков.

Так, с помощью субстантивации может выражаться словообразовательная категория лица женского пола, семантически мотивированного личным существительным мужского рода (ср. субстантивированные притяжательные прилагательные женского рода со значением жены лица, названного в корне прилагательного, например: диал. *братова жена брата*, *дядина жена дяди*, укр. *дядина*, *братова*, чешек, *doktorova*, *ucitelova* 'жена доктора, учителя'), а также категория действия по глаголу (ср. в чешском языке субстантивированные страдательные причастия прошедшего времени женского рода, близкие именам со значением отвлеченного действия: *podivana* *зрелище*, ср. *podivati se* *посмотреть*, *dovolena* *отпуск*, букв. отбивание).

Такие сопоставления еще шире демонстрируют возможности субстантивации как способа словообразования.

2.4. Производные слова и их семантическая экспликация на материале прилагательных современного английского языка

Свойство двойной референции, мотивированность и многие другие признаки, предопределяющие специфику производных слов и их отличие от простых, обусловили задачу разработки принципов описания семантики производных слов.

Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «сама возможность объяснить индивидуальное значение данного слова через другое слово (понятие) и через отношение к обозначенной этим последним реалии ставит вопрос о необходимости описания таких фактов в виде системных, т.е. отражающих регулярно повторяющиеся семантические связи между однокорневыми образованиями».

Естественно предположить, что вследствие мотивированности производных исходными лексическими единицами, регулярности словообразовательных явлений, единства словообразовательных значений для многочисленных производных одного и того же словообразовательного ряда, и других параметров производные слова, составляющие приблизительно 70% словарного состава языка, должны получить достаточно экономное, адекватное, и что главное, одинаковое в пределах словообразовательных моделей описание. Такое описание не может не принять во внимание статистических корреляций и структурно-семантических закономерностей порождения производных слов, границ действия той или иной словообразовательной модели, ее продуктивности и активности, особенностей функционирования, ее соотношения с синонимичными моделями слов той же ономаσιологической категории и т.д.

Для лексикографической практики это означает, что моделируемая часть смысловой структуры производных слов должна найти одинаковое отражение в их словарных дефинициях, т.е. дефиниции производных одного

типа должны различаться только в той части, которая указывает на семантику исходных единиц. Таким образом, различия в словарных дефинициях будут проходить лишь по линии исходных или мотивирующих слов, включение которых, как правильно подчеркивают Е.А. Земская, И.С. Улуханов, Е.С. Кубрякова, А.Н. Тихонов и др., обязательно для адекватного описания семантики производного слова.

Требование унификации описания производных слов нашло определенное отражение в лексикографической практике. В том случае, когда проблема включения или невключения в словарь производного слова решалась в пользу производного и, более того, выбирался не отсылочный, а дефиниционный способ его определения, лексикографы стремились ограничить список слов и словосочетаний, так называемых идентификаторов, используемых для описания семантики производных одного и того же типа. В большей или меньшей мере повторяемость идентификаторов при объяснении довольно протяженных словообразовательных рядов имеет место в русской, немецкой и английской лексикографических традициях.

Единообразие лексикографической трактовки особенно заметно в описаниях производных аффиксального типа. англ. *recast* 'перепределявать', *перерабатывать*-*cast again*, *recount* 'пересчитывать'-*count again*, *retry* 'снова пробовать'-*try again* и многие другие.

Величина и разнообразие списка идентификаторов, применяемых в лексикографических толкованиях производных, варьируются и зависят, как мы постараемся показать ниже, в первую очередь от типа словообразовательной модели производных и лексико-грамматических свойств, как самих производных, так и лежащих в их основе исходных, мотивирующих единиц, производящих баз производных слов.

Наибольшие однородность и единообразие описания характеризуют отглагольные и отаффиктивные аффиксальные производные, доказательством чему могут служить многочисленные объяснения отглагольных наименований лица - *one*, *who* и т.д.

В противовес отглагольным и отадъективным производным дефинициям отсубстантивных производных присуща наибольшая вариативность. Зависимость величины набора идентификаторов производных от лексико-грамматических свойств исходных единиц находит яркое подтверждение в ходе анализа прилагательных суффиксального типа в английском языке. Набор идентификаторов, эксплицирующих семантику девербативных прилагательных, не столь велик. Это в основном идентификаторы *tending to, given to, liable to, inclined to, apt to, doing* с общим значением склонности к выполнению определенного действия, а также идентификаторы *capable/incapable of being -ed, possible/impossible, that can/cannot* со значением возможности/невозможности выполнения действия. Сравн. определения, данные словарями, следующим производным: *runny* 'бегающий, текущий'.

Для отадъективных прилагательных, которым характерно указание степени наличия признака, список идентификаторов также ограничен и исчерпывается в принципе словами *somewhat* 'до некоторой степени, несколько', *rather* 'до некоторой степени, довольно', *comparatively* 'сравнительно', *moderately* 'умеренно'. Например, *bluey* 'голубоватый' — *кабуд-somewhat blue, warmish* 'тепловатый' - *гарм- somewhat warm, darkish* 'темноватый' - *somewhat dark* и т. д.

Значительно превосходит приведенные списки по своей величине список идентификаторов, используемых в лексикографическом описании отсубстантивных прилагательных. Так, только для объяснения отсубстантивных прилагательных с суффиксом -у авторы английских словарей применяют более 50 идентификаторов (данная цифра к тому же не включает единичных, не повторяющихся определений производных). Семантический сдвиг, наблюдаемый в смысловой структуре производных на -у по сравнению с их мотивирующими словами, идентифицируется лексикографами с помощью следующих наиболее типичных слов и словосочетаний: *full of -нур-* 'полный', *covered with* - *пушонидашуда-* 'покрытый', *containing-* *дар бар гирифта-*

содержащий и т. д. Для толкований отсубстантивных производных с суффиксом *-ed* используется не-сколько иной, но тоже емкий набор типичных идентификаторов: *full of –nур-* *полный* и т. д. Значительная вариативность наблюдается даже в толкованиях таких однозначных производных прилагательных, каковыми являются в английском языке отсубстантивные прилагательные с суффиксами *-like* и *-less*.

В их дефинициях также присутствует целый ряд идентификаторов типа: для производных с суффиксом *-like*— *монанди - resembling* 'подобный', *like* — *ба монанди* 'подобный', *similar to* 'похожий', *suitable to* — *мувофик* - *подходящий* и др.; для производных с суффиксом *-less* — *having* по 'не имеющий', *without* 'без', *lacking* 'испытывающий недостаток в чем-л.', *devoid of* — *аз ягон чиз махрум* 'лишенный чего-л.' и т. д.

Нельзя не заметить наличия одних и тех же идентификаторов в дефинициях отсубстантивных прилагательных, образованных с помощью разных суффиксов, что свидетельствует о семантической близости данных производных, о наличии единого для многих словообразовательных моделей относительных прилагательных в современном английском языке общего словообразовательного значения. Это единство, наблюдаемое и в области производных относительных прилагательных в русском и других языках, связано, по-видимому, со спецификой данной категории слов. Образуя относительные прилагательные, адъективообразующие суффиксы придают им общее значение 'имеющий отношение к тому, что обозначено мотивирующим словом', связанный с тем, что обозначено мотивирующим словом', которое конкретизируется в семантике прилагательных в виде ряда менее обобщенных значений.

Конкретизация общего словообразовательного значения отсубстантивных прилагательных осуществляется в виде частных, наиболее типичными из которых в семантике относительных прилагательных английского языка являются значения подобия и наличия, обнаруживающие определенную взаимосвязь. Как пишет акад. В. В. Виноградов, «значение

«похожий на что» в сущности, есть модификация значения «имеющий что»; в последнем случае обозначается, что предмет обладает другими предметами, в первом, что он обладает отдельными признаками этих предметов. На распространенность связи этих двух значений во многих языках указывал и М. М. Покровский.

Не случайно, по-видимому, в семантике многих отсубстантивных прилагательных мы находим одновременно значение наличия, так сказать, в чистом его виде, и значение подобия, например: *coppery* - *содержащий медь*, *похожий на медь* - *ба асал монанд (по цвету)*, *plushy* - *похожий на плюш* и многие другие.

Таким образом, на материале относительных прилагательных мы видим еще одно подтверждение правильности теоретического положения о доминирующей роли для семантики производных категориальных признаков их компонентов. Лексикографическое описание производных соответственно не может игнорировать эту зависимость.

Целые классы и разряды аффиксальных производных от слов одной и той же части речи трактуются *через* - во многом совпадающие наборы идентификаторов, степень вариативности которых диктуется, помимо лексико-грамматических свойств, типом модели, ее однозначностью/многозначностью, набором классов мотивирующих слов, наличием синонимичных моделей и т. д.

Наибольшее разнообразие толкований, дающих развернутое описание семантики производных слов, присуще, как указывалось ранее, отсубстантивным производным, что объясняется их спецификой по сравнению с отглагольными или отадективными дериватами. Если в дефинициях отглагольных слов идентификатор, соответствующий предикату в мотивирующей конструкции, совпадает с мотивирующим глаголом, то для отсубстантивных производных необходимо восстановить предикаты и выбрать наиболее соответствующие им идентификаторы. Вполне понятно, что наиболее приемлемым может показаться путь, при котором в качестве

предиката-идентификатора выбирается глагол, чаще всего сочетающийся с мотивирующим именем. Факторами, определяющими выбор того или иного способа семантической экспликации отсубстантивных производных, в таком случае являются лингвистические закономерности сочетаемости слов, корреляции производных слов с определенными синтаксическими конструкциями.

Увеличению числа предикатов-идентификаторов способствует к тому же широкий диапазон значений, присущий классу имен существительных, выступающих в качестве мотивирующих баз отсубстантивных производных. Поскольку существительное, как отмечает Е. С. Кубрякова, может выполнять различные синтаксические функции и выступать в составе предложения в разных ролях по отношению к глаголу-предикату, а «выбор последних диктуется естественной логикой событий», то правомерно ожидать, что даже для одного и того же существительного в зависимости от ситуации может быть несколько глаголов-предикатов. Результатом наличия нескольких глаголов-предикатов, связанных с существительным, выступающим затем в словообразовательных процессах в качестве мотивирующей, производящей базы для прилагательных, явится соответственно применение нескольких идентификаторов в дефиниции производного. Существующая лексикографическая практика следует по описанному выше пути. Наблюдения показывают, что для экспликации семантики производного редко используется один идентификатор. Зачастую лексикографами в дефинициях производных применяется несколько идентификаторов, образующих своеобразные, трудно поддающиеся классификации комбинации.

Это вовсе не свидетельствует, на наш взгляд, о многозначности производных, а есть лишь отражение контекстно-ситуационной обусловленности семантики отсубстантивных производных, отражение в их значениях многоплановости связей и отношений предметов и явлений реальной действительности.

В результате действия лингвистических и экстралингвистических факторов число идентификаторов, необходимых для описания семантики отсубстантивных производных, становится неизмеримым. Однако, как показывает анализ, необходимости в таком разнообразии предикатов-идентификаторов для семантической экспликации производных, по-видимому, нет, поскольку все разнообразие предикатов сводимо к довольно ограниченному списку. По мнению Е. С. Кубряковой, подобные предикаты могут быть исчислены и принадлежат группе глаголов типа быть, находиться, стать, становиться, быть подобным, использовать, делать и т. д. Высказанное предположение представляется справедливым по отношению к относительным прилагательным. Анализ семантики их идентификаторов, употребляемых в словарях, показывает, что идентификаторы достаточно близки по смыслу и характеризуются наличием общих семантических компонентов. Так, сравнение идентификаторов производных прилагательных выявляет, что они в основном трактуются друг через друга. Сравним определения, данные в словаре Хорнби предикатам-идентификаторам производных с суффиксом *-less*: *destitute of* - *лишенный чего-л.* — *not having, being without; without* 'без' — *not having, free from, lacking; free from* 'лишенный чего-л., свободный от чего-л.' - *not having; lacking* 'испытывающий недостаток в чем-л., не имеющий чего-л.' - *be without, wanting; devoid of* 'лишенный чего-л., свободный от чего-л.' - *entirely empty, without*.

Правомерным вследствие этого представляется объединение словарных дефиниций в определенные группы, как это было предпринято М. Льюнгом, и разработка на этом основании типовых идентификаторов.

Однако абсолютно унифицировать дефиниции производных и сузить список идентификаторов до наиболее обобщенного — типа, имеющий отношение к..., связанный с... — вряд ли целесообразно, поскольку тем самым мы уничтожаем возможность разного «прочтения» дефиниции

производного и правильной расшифровки его контекстно-ситуационно обусловленного значения или значений.

Нахождение типовых идентификаторов производных слов есть, однако, лишь частичное решение проблемы их семантической экспликации, поскольку типовыми идентификаторами не исчерпывается описание семантики дериватов. Наряду общими словообразовательными значениями, обусловленными типом отношений, которые устанавливаются между компонентами производного и частными словообразовательными значениями, производным словам присуща, как правило, и некоторая идиоматичность или фразеологичность, определяемая действием глубинных семантических и (или) синтаксических процессов. Описание принципов их лексикографического отражения - задача отдельного исследования

Заключение

В данной работе рассмотрена разновидность безаффиксного способа словообразования – конверсии – субстантивация.

Подводя итог, еще раз дадим определение конверсии в целом, отметив, что это такой способ словообразования, при котором одно и то же слово употребляется в функции различных частей речи, не изменяя свою внешнюю форму.

В данной работе подробно рассмотрена одна из ветвей конверсии – субстантивация. То есть, такой процесс, когда различные части речи приобретают предметное значение и выступают в функции существительного.

Итак, как было отмечено в работе, подобному процессу подвержены различные части речи. Они в свою очередь могут переходить также в различные части речи. Но субстантивация, то есть их переход в существительные, является одним из наиболее продуктивных способов. Системное исследование данной проблемы является весьма актуальным, имеет, как видно из работы, научно-теоретическое значение. Словообразовательные средства сопоставляемых языков исключительно богаты. Но безаффиксное словообразование для обоих языков играет немаловажную роль, так как этот способ является наиболее продуктивным, если учесть аналитический тип обоих языков.

Из работы также следует, что сама по себе субстантивация – результат тенденции к экономии речевых средств. Но, кроме того, субстантивация говорит о богатстве языка, располагающим большим выбором вариативных средств.

Из материала данной работы видно, что в обоих языках, как в английском, так и персидско-таджикском, субстантивация распространяется именно на класс прилагательных. Это обусловлено генетическим сходством класса прилагательных с классом существительных.

Так как целью данной работы является исследование субстантивации в ее многоплановости, то именно для этого в работе и рассматривается вопрос субстантивирования не только отдельных частей речи, но даже и словосочетаний, и предложений. А так как в работе отмечается, что не все ученые признают подобную субстантивацию возможной, то можно лишний раз сказать, что тема данной работы является весьма актуальной и в наше время. Вопрос субстантивации различных видов языковых единиц требует дальнейшего изучения.

В доказательстве этого в работе приведены различные точки зрения по поводу установления структурных типов производящих основ, служащих базой для образования субстантивных производных.

Именно для определения структурного состава производящих основ в работе отдельно на примерах рассматривается субстантивирование отдельных частей речи для демонстрации многоплановости процесса. А выше изложенная мысль о том, что в частности в персидско-таджикском языке, субстантивация изучена недостаточно, еще раз подтверждает актуальность темы.

Вообще, безаффиксный способ словообразования - довольно обширный, многоплановый процесс, который требует глубочайшего изучения. А субстантивация является лишь ее частью, которая в свою очередь недостаточно исследована и является предметом сосредоточения многообразных, а порой и противоречивых точек зрения, как видно из данной работы.

Также в работе затрагивается такое понятие, как окказионализм. Данный термин справедливо применим к словам, принадлежащим к таким частям речи, которые в принципе в процессе субстантивации не участвуют. Некоторые слова, принадлежащие к подобным частям речи, все-таки встречаются в процессе субстантивации.

Подводя общий итог, еще раз подчеркнем значение субстантивации для английского и персидско-таджикского языка:

1. Субстантивация в системе словообразования обоих языков занимает значительное место. Без учета этого процесса невозможна полная картина словопроизводства обоих языков.

2. Самыми продуктивными являются переходы прилагательных и глаголов в существительные, как видно из материала.

3. Все слова, перешедшие в разряд существительных существительных из других частей речи, полностью принимают на себя парадигму существительных. Немного отличаются в этом вышеупомянутые окказионализмы.

4. В семантическом отношении субстантивированные слова всегда выражают предмет в грамматическом смысле слова.

5. Исследование перехода слов в существительные наряду с научно-теоретическим, имеет и практическое значение.

Для персидско-таджикского языка использование в субстантиватах флексий прилагательного - это специфическое свойство, отличающее субстантивацию от всех других способов словообразования, в том числе и от нулевой аффиксации, также характеризующейся отсутствием материально выраженного специального словообразовательного аффикса (суффикса или префикса).

При этом какие-либо дополнительные формальные отличия мотивированного от мотивирующего (чередования, различие места ударения, усечение основы и т. и.) отсутствуют. «Самое понятие субстантивации, - по мнению В. М. Маркова, - предполагает исторический подход к материалу».

Такое противопоставление субстантивации и морфологического словообразования вряд ли оправданно с синхронической точки зрения и не может быть использовано при описании словообразовательной системы.

Все существительные прилагательного склонения, мотивированные омонимичными прилагательными, представляют собой структурное единство и группируются в системе языка в определенные типы (модели) с одинаковым отношением к мотивирующему прилагательному;

словообразовательная функция флексий в них одинакова, независимо от того, каким путем они реально (исторически) возникли.

Подчеркивание различия «постепенной» и «мгновенной» субстантивации уводит в сторону от описания словообразовательной системы, подменяет задачу такого описания задачей выяснения исторических путей образования слов (сама эта задача очень сложна и для некоторых слов вряд ли разрешима). Разграничение исторического пути возникновения слов и их синхронических словообразовательных связей должно последовательно осуществляться и применительно к субстантивации.

При субстантивации, как и при других способах словообразования, окказионализмы, принадлежащие к продуктивным словообразовательным типам, представляют собой реализацию возможностей, заложенных в системе. Субстантивация причастий требует отдельного рассмотрения, поскольку в этом случае, в отличие от субстантивации прилагательных, выступает другая мотивирующая основа - основа причастия (в остальном же эти явления сходны).

Независимо от решения спорного вопроса о грамматическом статусе причастий (как глагольных форм или как самостоятельной части речи), несомненно, что причастие - это особая «гибридная глагольноприлагательная» категория, обладающая грамматическими значениями глагола (видовыми, временными, залоговыми). Эти значения обычно передаются и в субстантивированных причастиях, чем объясняется одинаковая возможность субстантивации всех разрядов причастий, различающихся по времени и залогоу.

Необходимо подчеркнуть, что причастия могут субстантивироваться без стадии предварительной адъективации и независимо от их способности к адъективации. Такие субстантиваты сохраняют грамматические значения глагола и широко используемую способность глагольного управления; семантически они мотивированы глаголом, т. е. называют предмет по его отношению к действию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. - 208 с.
2. Арзуманов. С.Д., Сангинов А. Забони тоники. Душанбе: Маориф, 1986, 416 с.
3. Арнольд. И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л. Просвещение 1973 г. 304 с.
4. Аушанская. В.Л. Грамматика английского языка/ В.Л.Каушанская. С-Пб.: Просвещение, 1967.-318с
5. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
6. Ахмедова. Л.Р. Наречия в английском и таджикском языках: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – Душанбе, 2004. – 24 с.
7. Бартольд, В.В. Сочинения, - Т. 1-9, -М., 1963-1977. Бертельс Е.Э. Персидский-дари-таджикский. // Советская этнография, -1950, № 4.
8. Болдырев, А.Н. Из истории развития персидского литературного языка. // Восточное языкознание. -1955, №5, с. 78-92.
9. Блауберг. И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в самой науке // Редкол.: И.В. Блауберг и др. – М., 1970.
10. Гальперин. И.Г. Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Ленинградский университет, 1988. - 207 с.
11. Гафуров, Б. Тоҷикон таърихи кадимтарин, кадим ва асрҳои миёна. - Кн,1. -Душанбе, 1983. 371 с.
12. Гафуров, Б. Тоҷикон таърихи кадимтарин, кадим ва асрҳои миёна. - Кн,1. -Душанбе, 1985. 379 с.
13. Георгиев. В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. (Родственные отношения индоевропейских языков). – М., 1958. – 318 с.
14. Грамматикаи забони хозираи адабии тоҷик. – Д., 1984. 214 с.

15. Грамматикаи забони хозираи адабии тоҷик. Ҷилди 2. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. –Душанбе: Дониш, 1988. - 371 с.
16. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. - 400 с.
17. Дҷамшедов. П. Сопоставительный анализ английских глагольных форм разряда Continuous и таджикского муайян. -Душанбе: изд-во Минвуза Тадж. ССР, 1973.-117 с.
18. Дҷамшедов, П. Семантика видов в русском, таджикском и андийском языках. Д.: Маориф, 1989, - 174 с.
19. Дҷамшедов, П. Сопоставительный метод как средство овладения языком // Актуальные проблемы филологии. Душанбе, РТСУ, 2005. 40-44.С.
20. Дҷамшедов, П. О глагольных грамматических значениях при сопоставлении и при сравнении языков.// Конференция по сравнит.-историч.; грамматике. (12—14 дек.). Предварительные материалы. М., 1972.- 31.с.
21. Дҷамшедов, П. Проблемы глагольной типологии (время и вид). Душанбе: Дониш, 1984. - 158 с.
22. Додихудоев, Р.Х., Герсентберг Л.Г. Таърихи забони тоҷики. – Душанбе, 1988. – 215 с.
23. Додихудоев, Р.Х. Дастури мухтасари забони тоҷики. –Душанбе, 1974.
24. Есперсен, О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит. 1958.- 404 с.
25. Есперсен, О.А. философия грамматики. М.: Иностранная литература.1928.- 404 с.
26. Ефимов, В.А. Каримова А.А. Юго-западная группа (в разделе «Иранские языки») – Языки Азии и Африки. II. М., 1978.
27. 28. Ибрагимов, Р.Г. Забони тоҷики. – Д.: Ирфон, 1975.-56с.
28. Ильиш, Б.А. Современный английский язык. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. 348 с.

29. Керимова, А. А. Таджикский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966, т.1.- С. 212-236.
30. Киселева, Л.Н. Очерки по лексикологии языка дари, - М., 1973.
31. Косимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик. – Душанбе, 2002.
32. Косимова, М.Н. Мухтасар оид ба ислохоти забоншиносии пешини тоҷик. –Душанбе, 2004. -113 с.
33. Косимова, М.Н. Хат ва имлои матни классики. – Душанбе, 2000.
34. Крейзинг, П. Е. Английская грамматика. – М.: Учпедгиз, 1962. – 34с.
35. Мамедов, Б.Р. Субстантивация в разносистемных языках. – Л.: Наука, 1973,-88-184 г.
36. Медникова, Э.М. О конверсии в английском языке. – научные доклады высшей школы, 1956 – 28 г.
37. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. -М.– Л., 1938.
38. Ниёзммухамедов, Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Кисми 1; Лексикология, Фонетика ва Морфология. Нашриёти «Ирфон», Душанбе, 1973. 218 с.
39. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
40. Н.Никитин, М.В. Некоторые вопросы теории словообразования и определение конверсии. – М.,1966. -109 г.
41. Пассек, В.В некоторые вопросы конверсии. – Вл.: Вопросы языкознания, 1957. – 132г.
42. Пейси́ков, Л.С. Лексикология современного персидского языка. – М., 1975.
43. Пейси́ков, Л.С. Проблема языка дари в трудах современных иранских ученых. // Вопросы языкознания. -1960, № 2, с. 120-125.
44. Расторгуева, В. С. Среднеперсидский язык [Текст] / В. С. Расторгуева. - Москва: Наука, 1966. – 159 с.

45. Расторгуева, В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1964. - 188 с.

46. Расторгуева, В. С. Этимологический словарь иранских языков = Etymological dictionary of the Iranian languages / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман; Российская академия наук, Институт языкознания. - Москва: Восточная лит., 2000 - Т. 2: В - D. - 2003. – 501 с.

47. Рубинчик, Ю. А. Современный персидский язык [Текст] / Ю. А. Рубинчик. - Москва: Изд-во вост. лит., 1960. - 140 с.

48. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю. А. Рубинчик; [Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки]. - М.: Вост. лит., 2001. - 600 с.

49. Саймиддинов Д. Вожашиноии забони форси миёна., Душанбе, 2001. – 310 с.

50. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий; под ред. В. В. Пассека; предисл. О. А. Смирницкой. - Изд. 3-е. - Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. - 285, с.

51. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [Текст] / Проф. А. И. Смирницкий; Подгот. к печати и отред. канд. филол. наук В. В. Пассек. - Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. - 260 с.

69. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. - Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 374 с.

53. Телегин, Л. А. Безаффиксальная транспозиция и ее влияние на процессы деривации в современном английском языке: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. - Самарканд, 1992. - 259 с.

54. Успенская Л.В. Основные структурные особенности современного таджикского языка по сравнению с русским языком//Материалы 1 Межреспубликанской научной конференции по вопросам улучшения

преподавания русского языка в национальных школах. Ташкент, 1958. 12-14 с.

55. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1968. - 272 с.

56. Халимов С. Таърихи забони адабии тоҷик (асри X). – Душанбе, 1979.

57. Шеваи чанубии забони тоҷики. – Ҷ., 1-5. –Душанбе, 1978.

58. Эдельман, Дж.И. Иранские и славянские языки [Текст]: исторические отношения / Д. И. Эдельман. - Изд. 2-е, доп. - Москва: URSS: Ленанд, 2018 (cop. 2017). – 229 с.

59. Эдельман, Дж. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса / Д. И. Эдельман; отв. ред. В. И. Абаев; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1990. - 286 с.

60. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков / В.Н. Ярцева // Филологические науки. 1960. -№1. 3-14 с.

Литература на иностранном языке

61. Clark E.V. On the acquisition of meaning of “before” and “after”/ E.V. Clark // Journal of verbal learning and verbal behavior. -1971. –N10 –P. 266-275.

62. Kennedy Current English. – London, 1936. -221 -326 с.

63. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. –L.: Longman Group Ltd., 1975. -324 p.

64. Lyons J., Semantics, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. Vol.1. 371 p.; Vol.2. – P. 373-897.

65. The British National Corpus [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus>. Hornby - Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby. – Oxford University Press, 1978.

Список художественной литературы

1. Айни С. Гуломон. Нашриёти Ирфон Сталинобод, 1950.
2. Войнич Э. Замбур. Сталинобод, 1952.
3. Гафуров Б. Точикон. Кисми II, Душанбе, 1985.
4. Икромии Х. Духтари оташ. Фасли аввал. Нашриёти Ирфон.
5. Стевинсон Р.Л. Чазираи Чавохирот. Сталинобод, 1949
6. Anderson Sh. The Egg // Short Story Masterpieces
7. Bayer W. Blind Side. Coronet Books, 1990
8. Galsworthy J. The Forsyth Saga. The Man of Property. Moscow, Progress Publishers, 1974
9. Ostrovsky N. How the Steel was Tempered? Moscow. 1964
10. Priestley J.B. Charles Dickens. A pictorial biography. London. 1961
11. Sadi. Sh. The Gulistan of Rose Garden of Sa'di. London. George Allen and Unwind LTD. 1954
12. Stevenson R.L. Treasure Island. Foreign Language Publishing House. Moscow. 1956
13. Twain M. The Adventure of Tom Sawyer. Foreign Language Publishing House. Moscow. 1948
14. Voynich E. The Gadfly. Foreign Language Publishing House. Moscow. 1954

Список использованных словарей и справочных материалов

1. Джамshedов П. Таджикско – английский словарь/ П. Джамshedов. - Душанбе: Эчод, 2008 – 978 с.
2. Краткий таджикско-русский словарь: 20000 слов и выражений с прил. граммот. очерка / Сост. Я. И. Калонтаров. - 2-е изд., доп. и перераб. - Душанбе: Маориф, 1988. - 494 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Сов. энциклопедия, - М.: 1990. 685 с.

4. Мамадназаров А. Англо – таджикский словарь / А. Мамадназаров: Душанбе: Эр-граф. -2015, 1015 с.
5. Русско-таджикский словарь: Свыше 72000 слов / [С. Д. Арзуманов, Х. А. Ахрори, М. Бегбуди и др.]; Под ред. М. С. Асимова. - М.: Рус. яз., 1985. - 1280 с.
6. Русско-таджикский словарь / под ред. А. Дехоти и Н.Н. Ершова: гл.ред. В. Э. Бертельс. – Сталинабад: Государствен. изд. иностр. и нац. словарей, 1949, -1080 с.
7. Таджикско-русский словарь /под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой и С. Каримова. Т. 2. – Душанбе, 2005 – 780 с.
8. Фарханги тафсирии забони тоҷикӣ. С. Назарзода и др. чилди I ва II. Душанбе. - 2008.

